

№ 6 НОЯБРЬ 1989

Цена 1 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ISSN 0256-6982

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИЗДАНИЮ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» МОСКОВСКОЙ ШТАБ КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА

ТАЙНА

КУЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

Новую повесть Юлиана
СЕМЕНОВА читайте на
стр. 4—9

- Разоблачение межрегиональной наркомафии. ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН, начальник Уголовного розыска МВД СССР, сообщает — стр. 12
- Встреча в Неаполе. Беседа английского писателя ЯНА ФЛЕМИНГА с «крестным отцом» американской мафии ЛАКИ ЛУЧАНО — стр. 10
- Два года с бериевцами. Рассказ очевидца — стр. 16

Шварцвальд — удивительный уголок Федеративной Республики Германии: безбрежное море еловых лесов, горы, ущелья, деревушки, чистенькие, как дитя, вынутые из валуны, стеклянно-прозрачные речушки, становящиеся весной и осенью ревущими потоками.

Таким я знал Шварцвальд, когда приезжал в гости к моему другу, покойному ныне академику Клаусу Менарту (Этого большого ученого у нас в «застойные» годы иначе как «гестаповским шпионом» не именовали, относились с традиционновизантийским подозрением, и, чтобы пробить ему визу, когда он решил написать книгу «Что читают русские», мне пришлось идти к Ю. В. Андропову.)

Однажды гуляя по лесной тропинке, я закурил и — в нашей привычной манере — бросил спичку под ноги. Менарт легко наклонился, спичку поднял и, пройдя несколько шагов, бросил ее в урночку: только тогда я заметил, что урночки для мусора заботливо расставлены здесь через каждые двести—триста метров.

Несколько лет назад я услышал о трагедии Шварцвальда: поскольку чуть ли не каждая вторая семья в ФРГ имеет машину (или машины), вековые ели Шварцвальда стали чахнуть от бензинового «перегара». Наука и промышленность прореагировали довольно оперативно: были выпущены специальные заглушки на выхлопные трубы, которые поглощают бензиновый чад. Дела в Шварцвальде пошли на поправку.

Отреагировать на надвигающуюся трагедию западным немцам было значительно легче, чем нам: не надо вымалывать средства в Минфине, согласовывать с Минатомом, нефтегазом, госценами и прочими монстрами. Просто — напротив — бизнесмены — патриоты своей страны — немедленно профинансировали проект спасения Шварцвальда (в ФРГ, такой мощной промышленной державе, города — то есть фабрики и заводы — занимают всего 18 процентов территории республики, все остальное — поля, леса, горные урочища).

Я не намерен идеализировать Запад только потому, что там в магазинах двадцать сортов колбасы и бутинки на любой вкус: у них своих проблем хватает, и они достаточно серьезные, и там об этом говорили и говорят гласно...

Но я о другом! О спичке, которую поднял Клаус Менарт...

Нас губила и губит гигантомания, «громаде планов» (цитирую Маяковского, являясь его поклонником, об эмоционально-нигилистическом отрицании от всего нашего послереволюционного прошлого, порою недостойном по тону, — в другой раз: истина — конкретна, анализ — абстрактен и внеэмоционален).

Доктор Фогельс — руководитель «Даймлера и Мессершмидта», одного из крупнейших концернов в Европе, — с горечью говорил мне: «В ваших гигантских элеваторах стоит столько зерна, сколько вы покупаете в США. Мы готовы дать вам — бесплатно — проекты наших элеваторов, сэкономите сотни миллионов долларов, мы заинтересованы в сильном Советском Союзе, со слабым партнером рискованно иметь дело: то же — с вашей широкозахватной комбайновой техникой: семьдесят

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОНОМИСТА

Татьяна КОРЯГИНА,
экономический
обозреватель
«Совершенно
секретно»

КОМУ И КАК ОТДАВАТЬ ЗЕМЛЮ

«Землю — крестьянам», «Землю — рабочим» — эти лозунги Октябрьской революции становятся сегодня лейтмотивом коренной ломки экономических отношений в стране. Отчуждение земли у крестьянства самым губительным образом сказывается на судьбе сельского хозяйства. Огосударствление крестьянского имущества и труда породило трудовую апатию, привело фактически к гибели земледелия. Огромный объем впустую «пожараемых» деревней государственных производственных инвестиций откладывает карман пустым для различного рода социальных программ: повышения пенсий, улучшения систем образования и здравоохранения, жилищного строительства.

Тонкание в течение 40 лет на месте в деле решения продовольственной проблемы ставит под удар всю экономическую реформу. Мировой опыт говорит о том, что сельское хозяйство является благодарной сферой экономического бума, если крестьянин — производитель продукции является реальным хозяином земли и результатов своего труда. Буквально за 2—3 года может быть совершен рынок в насыщении рынка продовольствием. И барьером для такого рынка в нашей стране остается политика. Отсутствие сильной политической воли к укреплению единоличных кре-

стьянских хозяйств парализует реформу, ставит под сомнение намерения партии и правительства о долговременном институтировании собственности на землю. Мы теряем время, и с потерянными временем уходит надежда на то, что перестройка не провалится.

В этой связи острейшим и актуальнейшим вопросом стоит проблема владения землей как фактором производства. Что целесообразней: продавать землю крестьянам и всем желающим или сдавать в долгосрочную аренду? В проекте Закона СССР о земле выбран второй путь. Вся земля в стране остается общенародной собственностью (т. е. ничей фактически) и предоставляется только в пользование.

Резон в этом, конечно, есть. Но резон временный, связанный с отсутствием на данном этапе широкой прослойки крестьян, которые захотели бы выкупить землю. Поэтому в начале земельной реформы продажа крупных участков земли, на наш взгляд, неоправдана. Но в перспективе, когда арендаторы-крестьяне окрепнут, надо будет пойти до логического конца в оформлении института собственности-крестьянина. Если мы хотим сделать наше сельское хозяйство действительно процветающим, земля должна стать собственностью с полным правом ее распоряжения (продажи, наследования, сдачи в аренду и т. п.). Но уже сегодня надо начать продавать землю. Участки земли, занятые под личное подсобное хозяйство, в том числе под садоводческие цели. Именно этот шаг способен решить одновременно две крупнейшие для текущего момента задачи: а) резко повысить интерес не только сельчан, но и горожан к сельскохозяйственному труду; б) помочь отоварить «горячие» деньги у населения. По оценкам ученых из НИИЗ при Госплане СССР, только за годы тринадцатой пятилетки данная акция может принести бюджету около 40 миллиардов рублей дохода.

Десятки, если не больше, миллиардов рублей может дать широкая продажа населению строительных материалов, готовых садовых домиков, хозяйственного инвентаря. Живые (наличные) деньги населения таким образом пойдут не только на предметы личного потребления, но и на производственные инвестиции. За самые ближайшие годы умная и решительная аграрная политика по вопросу собственности решит многие внутренние проблемы: обеспечит население продовольствием, предотвратит одичание нашей деревни, возродит трудолюбивое крестьянство, улучшит финансовое обращение, сократит небалансированность спроса и предложения.

Страх вернуться к реальной новой экономической политике, ленинскому изуму мертвой хваткой держит за горло страну. Но мы обязаны страхнуть опечененные, мужественно взглянуть правде в глаза, поклониться погубленной природе и душе крестьянина и сделать все для того, чтобы вернуться на землю хлебопашца.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ЭКОЛОГИЯ?

процентов такого рода комбайнов стоят на ремонте, а запасных частей нет — куда выгодней меньший захват, тогда не страшен камушек на поле, который срывает крыло огромного захвата»

Так и с экологией: трезвомыслящая советская общественность смогла предотвратить поворот северных рек, сражалась за Байкал, бьет в колокола тревоги о возможной гибели Днепра, борется за Черное море и Азов, где государственные безумцы возмарились поставить атомную станцию.

Но кто у нас занимается такой важнейшей, а бы сказал, изначальной проблемой, как спичка в лесу? Если бы только спичка! Яичная скорлупа, консервные банки (золотые, кстати, это ж металл, вторсырье, разбитые бутылки — тоже золото, тоже вторсырье, Западу нужен этот товар, а мы на него — зимабог, пусть гниет, но чужим не отдадим), обрывки газет, молочные пакеты...

Кто повинен в этом? Конечно, проще простого обвинять в этом бездесушных ласосов. На них можно свалить вину и за то, что все лифты исписаны матерной бранью, а наши туалеты на вокзалах и в гостиницах построены на торном лад — очко, сиди орлом, да и про лифты никто не радеет (отчего, между прочим, мы стоим на одном из первых мест в мире по количеству больных геморроем).

Культура быта и экология — понятия неразделимые.

А что мы делаем для того, чтобы поднять культуру быта? Организовали специальную телепрограмму «Экология и культура»? Поставили в лесах урночки? Установили там платные электроплиты, особенно на туристских маршрутах, как это, опять-таки, принято во всем цивилизованном мире? Исполкомы и строители сражаются за три дерева — можно ли их спилить при строительстве жилого дома, но кто думает о миллионах стволов, гниющих в тайге? Кто думает о том, чтобы на туристских тропах установить противопожарные средства? Но ведь лопаты, кирки и откосушители растут, увей!

В Японии во время цветения вишни учителя выводят детей на урок красоты — они сосредоточенно любуются прекрасным. Вот оно, начало начал культуры, в том числе экологической.

Даже в литературе нашей мы не видим ничего особенного в том, что герои называют друг друга «Машка», «Ванька», «Петя». Но ведь это унижает достоинство Человека, не в одной казакской, приблудной или среднеазиатской республике такое обращение немисливо, как и в Америке, Чехославии или Франции. Грубость и хамство — оборотная сторона бескультурии. И канонизируя неуважительность к неповторимости любой Марии, любого Ивана или Петра, мы унижаем достоинство народа, давшего миру Пушкина, Шевченко, Толстого, Шостаковича... То, что было общепринятым при крепостном праве, невозможно в эпоху Демократии. Не опускаться надобно планку, но поднимать ее на тот уровень, который разбудит в гражданах необратимое чувство собственного уважения.

И — последнее. Я уже писал: «Наше — значит ничье». Чем скорее мы избавимся от презрительного смысла, вбитого безумными пропагандистами в понятие «собственности», тем скорее люди станут считать леса и земли поистине своими: на своем поле не гадят, в своем лесу не бьют об пень пивные бутылки. Чем скорее мы разберемся, например, советским гражданам поселить в своих квартирах, домах, избах иностранных туристов, тем аккуратнее мы станем в быту...

Песник, получающий семьдесят рублей в месяц, не ест хозяина леса, он просто низкооплачиваемый служащий. Работник санэпидемстанции не ест контролер экологии, он чиновник, едва сводящий концы с концами, ибо живет на грани нищеты.

Юлиан СЕМЕНОВ

ЖИТЬ В НАДЕЖДЕ И ВЕРЕ

А.М. Вопрос, каким будет новое законодательство о религии, волнует сейчас многих. И не только миллионы верующих, но и всех, кто озабочен судьбами перестройки и демократизации в нашей стране. Ведь ни для кого уже не секрет, что в области религиозной политики в последние десятилетия был допущен серьезный отход от принципов, принятых во всех цивилизованных государствах. Сегодня многие ясно сознают необходимость возврата к этим принципам.

В.М. Я бы дополнил речь идет не только о юридической, но и о нравственной проблеме. Видя несправедливое отношение на верующих, изменение их законных интересов, окружающие, особенно молодежь, приходят к выводу о неспособности государства объективно относиться к своим гражданам. Разудалая атеистическая пропаганда, ажиотаж, нередко безграмотные книжки, оскорбительные для религиозных чувств верующих, изгаженные храмы, бесцеремонное вмешательство местных властей и уполномоченных Советов по делам религий, преследования священников и активных мирян — все это не могло поколебать в нашем народе Веру, но привело к нравственной деградации и духовному убогству.

А.М. Да. И один из узловых аспектов решения этой проблемы связан с религиозным воспитанием и образованием.

Речь, конечно, не идет о преподавании Закона Божия в государственных школах (по сколько согласно Конституции школа отделена от Церкви) и не о специализированных учебных заведениях, которые готовят служителей для религиозных общин. Я имею в виду религиозное обучение основ Веры при Храме и в семье — то, что принято называть катехизацией. Она относится как к взрослым, так и к детям.

В.М. Стоит ли ограничивать катехизацию Храмом и семьей? Священники и без того перегружены своими обязанностями, и мне кажется, что если есть миряне, способные обучать основам религии, почему бы им не организовать что-нибудь вроде воскресных школ? Естественно, что таких мирян-катехизаторов надо специально готовить.

А.М. Между прочим, даже сталинское законодательство 1929 года о культах по букве своей теоретически не исключало возможности такого обучения. Не оно было лишено конкретности, что позволяло в течение полвека сводить катехизацию к нулю.

В.М. Жизнь советских деклараций проявлялась не только в этом.

А.М. Забота о религиозном образовании и воспитании детей предоставлялась родителям. Но это было обманом. Любое образование — будь то светское или духовное — предполагает наличие учителей и учебных пособий. А чем могли воспользоваться верующие родители? Тем, что записки из кратких церковных проповедей? Крохмал от самиздата или тамиздата? Прежде чем учить детей, родители сами должны разбираться в основах Веры. Священные книги всегда были де-

Среди прочих человеческих свобод одна из главнейших — свобода совести. В свое время Владимир Иванович Вернадский замечательно сказал: «Демократия — свобода мысли и свобода веры». О какой же демократии может идти речь, если на протяжении семидесяти лет в общественное сознание буквально вкачивали, что Церковь — носитель враждебной идеологии, а верующий — человек третьего сорта.

С 1929 года в стране действует сталинское законодательство о религиозных культах, запрещающее то, что является нравственно обязательным для любого христианина. Но еще в 1922 году был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин — один из многих тысяч, уничтоженных за веру, а сколько архиереев, священников и мирян гибли в концлагерях ГУЛАГа? Сколько выдающихся религиозных философов было изгнано из страны?

В 1961 году была принята до недавнего времени засекреченная «Инструкция по применению законодательства о культах». Она запрещала всякую благотворительную деятельность служителей церкви, их лечебную помощь, создание касс взаимопомощи, библиотек, читален, кружков; под запретом также находились и регистрация обществ негосударственных, платидеящих, истинно православных христиан, адвентистов-реформистов... Сейчас эта инструкция отменена, но по-прежнему действует законодательство двадцати летней давности, абсолютно неприменимое в цивилизованном обществе. Для того чтобы восстановить попранные свободы, необходимо все равно обдумать и принять новый закон о свободе совести. Об этом — беседа протоиерея Александра МЕНЯ и врача-психиатра Вадима МОЛОДОГО.

фицитом, литературы практически не было. Если же за дело брались священники, это ставилось им в вину как нарушение закона. Всем известны процессы над литовскими ксендами, которые вели уроки Закона Божия. От них требовали, чтобы они лишь задавали детям вопросы, но не сообщали ни никакой информации. А где же было детям и родителям эту информацию почерпнуть? Православные священники, которые на свой страх и риск проводили катехизацию, сознавали, что действующая фактически нелегальная, вопреки инструкциям, но жестким инструкциям. Словом, создавалось ненормальное, напряженное положение.

В.М. Вы коснулись очень важного вопроса, вопроса о литературе. Сто рублей за Библию — наш национальный позор. В Праге я спросил в православной церкви, есть ли у них Новый Завет на русском языке и сколько он стоит. Старик священник недоумело посмотрел на меня и сказал: «Слово Божие не имеет цены, возмите, сколько Вам надо». Утрата традиций, деградация религиозной, а следовательно, и нравственной культуры требуют принятия немедленных мер, и в первую очередь издания достаточным тиражом по минимальной цене Священного Писания, основных трудов Отцов Церкви, Жития Святых, катехизисов, толкований и прочей богословской литературы. Проблемы нашего гуманитарного образования чудовищны, большинство людей просто не могут понять смысла основных шедевров мировой живописи и литературы, проинизанных христианами ремеслен-

цами. Стыдно, что Вашу шеститомную Историю Религий издают и переиздают в Бельгии, а не в России. Преодоление уродливой практики «борьбы с религиозным мракобесием» — одна из существенных сторон в правовом и социальном обновлении нашего общества.

А.М. Кстати говоря, катехизация, или обучение, т. е. «просвещение словом», — новшество, не выдумка перекрестных экстремистов. По крайней мере, в христианстве она является исконной, древней традицией. Сами библейские книги Нового Завета были созданы в целях научения и просвещения. Так, св. Лука во вступлении к своему Евангелию говорит, что написал его, желая, чтобы читатель узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен» (1,4). Точно так же древнейший памятник послепостольской эпохи «Дидахе» представлял собой род катехизиса. Со второго века возникли специальные катехизические церковные школы. Значительная часть творений Отцов Церкви — это запись их бесед с готовящимися к крещению, на которых присутствовали и многие уже крещенные.

В.М. А существовавшая со второго века в Александрии огласительная школа возглавляли не только такие знаменитые богословы, как Панта, Климент Александрийский и Ориген, но и интеллектуалы из мирян.

А.М. «Огласительная» традиция жила и развивалась на протяжении столетий. Она присуща и нехристианским религиям. В 1915 году на территории Российской империи существовало 35 566 церквей.

неприходских православных школ, 11 000 мусульманских и 10 000 иудейских училищ.

Нам могут возразить, что сегодня закон допускает в религиозных общинах только «отправление культа» и поэтому ни о каких школах при общинах не может быть и речи.

В.М. К чему привести такие, с позволения сказать, «законы», мы видим на каждом шагу.

А.М. Дело не только в качестве закона. Здесь мы имеем дело с несправедливым сужением самого понятия «культ». Этот латинский термин переводится как «почитание», и когда речь идет о религии, то «культ», естественно, включает и почитание заповедей Веры. Между тем и христианство, и ислам, будучи миссионерскими религиями, заповедуют своим последователям открыто свидетельствовать о своей вере, возмещать ее миру. Если бы дело обстояло иначе, то Русь никогда бы не стала христианской, а народы Средней Азии никогда бы не услышали об исламе.

«Отправление культа» — сложное органическое целое. Оно создает непрерывную традицию не только в сфере богослужения, но и в передаче основ Веры от эпохи к эпохе. Нельзя думать, что «культ» останется полноценным, если верующие не смогут в нормальных условиях изучать и проповедовать принципы своей религии. Это в полной мере распространяется и на атеизм. Однако у атеистов нет причин сетовать на уменьшение их прав (впрочем, честный атеист должен чувствовать себя человеком, поскольку его идеологии даны исключительные привилегии).

В.М. В том числе привиле-

гия писать живо, бесприметно, злобно...

А.М. Мы, религиозные люди, видим в высший смысл бытия и в верховное Божественное Начало, — в бессмертие человеческого духа и в абсолютную ценность личности, в богоподобие человека и его нравственную ответственность перед Богом. Мы христиане; верим, что Истина открылась Мира в лице Иисуса Христа. Который жил на земле и пребывает в Своей Церкви, пусть порой и вопреки человеческому несовершенству ее членов. У атеистов другие взгляды, и, разумеется, они имеют на это юридическое право. Но мы все — граждане одного государства, члены одного общества, а следовательно, должны быть равны перед законом. И если атеизму предоставлены все средства обучения и массовой информации, мы, верующие, вправе ожидать, что и нам дадут возможность свободно исследовать свои убеждения, свидетельствовать о них перед всеми, кто желает слушать, передавать их подрастающему поколению наших семей.

В.М. К этому стоит добавить, что религиозное просвещение имеет также общекультурную и гражданскую ценность. Национальное наследие народов нашей страны глубоко связано с религиозными корнями. Конфессиональные школы могут способствовать познанию отечественной истории и культуры, уважению к памятникам и традициям, укрепляющим дух нации, основой экологической и трудовой этики, повышению нравственного уровня общества в целом. Они создают противодействие от преступности, суеверия, шовинизма, разумеется, при условии, если верующие будут преподаваться в соответствии с их подлинными основами. Трагическое бессилие религиозных руководителей, обнаружившееся перед лицом национальных конфликтов, доказывает, насколько опасен упадок их влияния, их отрыв от общества. Практика показала, что именно отсутствие религиозного просвещения позволяет развиваться в среде верующих аутизм, дезориентация, фанатизм. Шовинистические лозунги несовместимы с истинной Верой, ибо «нет ни Эллина, ни Иудея, ни Варвара, ни Скифа».

А.М. Именно поэтому узаконенная катехизация могла бы верующим способствовать от комплекса изгойства, оздоровила бы их гражданское сознание как полноправных членов общества.

Дело, как малым — определить конкретные формы религиозного просвещения. Взять его на себя должны, конечно, общины, служители религий. На вполне законных основаниях им надо предоставлять возможность вести катехизические занятия при храмах, молитвенных домах или мечетях. Кое-где подобно рода опыты уже начаты (см.: Московский Церковный Вестник. М., 1989. № 2. С. 8). Они лишь нуждаются в недвусмысленной правовой санкции.

Вот чего мы ждем от нового законодательства.

В.М. Я бы только дополнил список потенциальных катехизаторов достойными мирянами. Все-таки этой традиции семнадцать веков.

ТАЙНА КУТЗОВСКОГО ПРОСПЕКТА

Когда главы повести шли в набор, я встретилась в Нью-Йорке с гражданкой США Викторией, дочерью замечательной русской актрисы Зои Федоровой, убитой в 1981 году.

Лидители кинематографа помнят роли, сыгранные ими: «Подруги» Зои Федоровой и «Двое» Викторин вошли в анналы искусства навсегда — как документы эпохи.

— Мама была у меня в гостях несколько раз, — рассказала Виктория. — Однако, когда я пригласила ее в восьмидесятом, вскоре после того как здесь выпустили мою книгу «Дочь адмирала» — отец умер в звании адмирала флота США, — маме отказывали в выдаче паспорта. Я обратилась за помощью к тому сенатору, за которого голосовала. — Брэдди. После совещания в его штабе мне ответили: «Если бы мама просилась в эмиграцию, сюда, к вам, для воссоединения семьи, мы бы могли оказать какую-то помощь. В ином случае брежневская администрация нам откажет: «Давать или не давать выездной паспорт для поездки в гости — наше внутреннее дело...»

Я позвонила маме и рассказала ей об этой беседе.

— Меня скоро убьют, — сказала она, и это было не первый уже раз, когда мы переживались. — Ладно, в среду пойду на прием...

Она позвонила в среду вечером: «Я им сказала, что если меня, русскую до последней капельки, патриота России, не выпустят в гости к дочери и внуку, я подам на эмиграцию...»

В пятницу ее убийли... Москвилью откатал в том, чтобы выдвинуть зал для гражданской панихиды. А мне не дали визу, чтобы приехать на ее похороны: «Кто такая Зоя Федорова? У нас нет на нее никакой информации...» Тогда я положила мой советский паспорт в конверт и отправила его в Посольство СССР.

Вместо предисловия

Сталин побоялся открытым, с ямочками на щеках улыбочным лицом Зои Федоровой, вручая ей очередную Сталинскую премию, заметить: «Это нас не Сталин награждает, а народ благодарит товарищ Федорова».

Зоя не смогла сдержать слез счастья: — Спасибо дорогой Иосиф Виссарионович. Как говорят военные: «Служу Советскому Союзу!»

— Нет уж, пожалуйста, оставайтесь замечательной русской актрисой. Военными становятся художниками рождаются. Как у вас дела? С жильем все нормально?

— Если б даже было плохо, я бы все равно не сказала. Иосиф Виссарионович... Без квартиры жить можно без вас — нет.

— Я ж не бессмертен, — с болью, тихо заметил Сталин — Прощайте и без меня пожить... Прощайте есть какие? Говорите честно, мне и радость помочь вам.

Федорова на какое-то мгновение замерла, покрываясь испариной — от шен — бледностью: — Иосиф Виссарионович, у меня репрессирован отец... Он ваш солдат, его оклеветали... Он ни в чем не повинен...

На мгновение лицо Сталина закамелено; как то заново, словно бы оценивающее обмолвил Зоя, чуть усмехнувшись, ответил: — Вот мы вам и подарим машину — неудобно отна домой везти на трамвае... Зайдите к товарищу Берия, а потом позвоните Поскребышеву, он вас соединит со мной... А Лаврентия Павловича я предупрежу...

Из материалов дела: В период между приблизительно тринадцатым и пятнадцатью часами одиннадцатого декабря 1981 года в доме номер 4/2, квартира 243 по Кутзовскому проспекту была убита Федорова Зоя Алексеевна, семидесяти двух лет, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственных (Сталинских) премий.

Смерть Федоровой З. А. наступила в тот момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из пистолета «Зауэр» калибра 7,65 (пистолет системы «Зауэр» продается в США, Аргентине (гор. Игуасу) и Бразилии).

В квартире обнаружены отпечатки пальцев неизвестных на посуде и граненом — венецианского стекла — стакане. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопном.

Из протокола осмотра квартиры жертвы, проведенного следователем прокуратуры Сазоновым, прокурором-криминалистом Герасимовым, экспертами НТО Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Антроповым и Гриньевым в присутствии понятых Александровой и Кондрашиной, явствует, что обстановка в комнатах не нарушена. Дверные замки шкафов целы. Следов взлома нет. Обнаружено 2400 рублей, кольца — с камнями и без камней, — браслет, подвеска, кулон, цепочки и запонки желтого цвета. Следы насилия в комнатах не просматриваются.

Дверь взломана не была. По данным экспертизы, квартира чужим ключом, сделанным со слепка, не отпиралась, из чего можно сделать предположение, что убийцей был человек, хорошо знакомый Федоровой, который и находился в квартире жертвы.

Из справки: «Федорова Зоя Алексеевна, привлеклась по ст. 58, пп. 10 и 11 и по решению ОСО МГБ СССР была приговорена к двадцати пяти годам тюремного заключения. В 1956 году полностью реабилитирована».

«Советское государство понесло тяжелую утрату 19 января 1982 г. на 65-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун».

Более четырех десятилетий жизни и деятельности С. К. Цвигуна были неразрывно связаны с работой по обеспечению государственной безопасности нашей Родины. Этому ответственному делу он отдавал все свои силы, опыт и знания...

Светлая память о Семене Кузьмиче Цвигуне;

верном сыне партии, государственном деятеле, навсегда сохранится в сердцах советских чекистов, всех советских людей...

«Фрагмент Пресс»: «В московских кругах упорно говорят о том, что родственник Брежнева и его крестная в КГБ Семен Цвигун не умер, а покончил жизнь самоубийством в правительственном загородном санатории».

«Рейтер»: «Осведомленные московские круги утверждают, что гибель Цвигуна связывается с именем певца Бориса Бурацы, вхожого в дом Брежнева. При этом подчеркивается, что Цвигун был многолетним сотрудником и близким другом Брежнева: тем более странно, что подпись Брежнева под некрологом отсутствует...»

«25 января 1982 г. на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслев. Ушел из жизни видный деятель Коммунистической партии, Советского государства и международного коммунистического движения. Вся его жизнь, все его силы и знания, весь его талант были отданы партии и народу...»

На всех постах, которые ему доверяли Коммунистическая партия и народ, Михаил Андреевич Суслев проявил себя выдающимся организатором, неустанным борцом за великое дело Ленина, за успешное решение задач коммунистического строительства. Являясь крупным теоретиком партии, он многое сделал для творческого развития марксистско-ленинской теории, твердо отстаивая ее чистоту. Он внес большой вклад в дело расширения и укрепления интернациональных связей...

Михаила Андреевича Суслева отличали бесшестивостная принципиальность, требовательность к себе и другим, исключительное трудолюбие, умение творчески подходить к острым и сложным вопросам современности. Человек большой души, кристальной нравственной чистоты, исключительной скромности, он снискал себе глубокое уважение в партии и народе...

Из медицинского заключения о болезни и причине смерти Суслева Михаила Андреевича:

«М. А. Суслев, 79 лет, длительное время страдал общим атеросклерозом с преимущественным поражением сосудов сердца и мозга, развившимся на фоне сахарного диабета. В 1976 году перенес инфаркт миокарда. 21 января 1982 года возникло острое нарушение кровообращения в сосудах ствола мозга с глубокой потерей сознания, нарушением дыхания и некоторых других жизненно важных функций организма...»

«Спецгруппу Угро. МВД СССР, созданную по делу об убийстве Федоровой З. А., перформировать, оставив трех сотрудников для допросов знакомых актрис».

Полковников Павлова В. Я., Савицкого У. Р., Костенко В. Р. вернуть в их подразделения. 27 января 1982 г.

Савицкого перевели в Ригу заместителем СКБ по режиму с прибавкой зарплаты на девятую рубль; записи; вскоре умер от цирроза печени.

Павлова отправили в Узбекистан с повышением.

...С января до мая восьмидесят второго года

помню, как он на встрече с детективщиками записки им показывал золотые. «Это подарок великого советского музыканта Ростроповича, моего друга, он мне их дал перед тем, как его изнасили с Родине... А я их ношу, потому что придет время — он героем сюда вернется». Так что прямолинейно и однозначно ни о ком судить нельзя, Ястреб, даже о Шелокове.

— Это он в застое этакое брякнул?
— Так он после застоя сразу и слетел... В защите своей власти официально заявил... И еще сказал, что дирижерскую палочку Ростроповича у себя на столе держит, как напоминание о российском бездумном расточительстве, когда сами собственные таланты давим. Мол, что имеем — не храним, потерявши — плачем.
— Полагаешь, на него напраслину возвели?
— Ястреб, я полагаю только в том случае, когда имею улики... Ладно, если вспомнишь что о Хренкове, зайди, чайку попьем.

— Адрес не помнишь?
— А кто летавшим новые квартиры дает? Я ж не передовик какой или министр... Ну, пока, Ястреб... Мне нравится, как ты дело развинул... Учили государственных идиотов коммерции...

Костенко вышел из книжки, Ястреб тут же открыл окно, высунулся с мегафоном и моментально собрал очередь. Внезапно закричал: «Полковник, вернись!»

Сначала Костенко решил было не возвращаться — зачем открываться, но потом сказал себе: «Ты отстанешь, ты никто... Кому ты нужен? Раскрошися, закрошися, все кончено, полковник, жизнь — мимо, конец...»

И — вернулся.

— Слушай, — сказал Ястреб, — в лагере со мной один бес видел, мы его раскололи, его в пятьдесят седьмом изели, полковником был, МГБ, курва... Мы его сквозь строй гоняли — у-у-у-у... После двадцатого съезда его окунали, нылал, говорили, пятнадцать вмазали... Так мы ему кличку дали — Хрен; злой был, отмазывался по форме, за себя стоял уметь...
— Хрен? От фамилии, что ли?

— От любви. Знаешь, как говорить: злая горница, злой хрен... Фамилия у него другая была...
— А прямики на левой брови был?
— Он весь у нас в прямиках ходил...

Костенко достал из кармана фоторобот Хренкова, протянул Ястребу:

— Он?
— Он, курва, чтоб я свободы не видел, он! Ну, сука, а?! Жив, выходит!

— Он не просто жив, Ястреб... Он, слается, в дене. Ко мне подошел, сославшись на тебя, иначе я б с ним и говорить не стал... Забыл все, что я тебе показал?

— А ты мне ничего и не показывал, полковник...

...В Переславль-Залесский Костенко приехал в подпол, потому что у автобуса полетел двигатель. Менять его — да еще под дождем — дело долгое, матерное, пассажиры пытались остановить машины — куда там.

Странные у нас люди, думал Костенко, глядя, как проносились мимо несчастных пассажиров, чуть не кидавшихся под колеса, «Волги», «Жигули», «рафики». Стоит поговорить с человеком часок-другой — откроется тебе, душу распахнет, последним поделится, а вот помочь незнакомцам, проявить номинальную культуру — ни-ни. Почему в нас мирно уживается Бог с Дьяволом? Оттого, видно, история наша столь трогательна: собирали Империи кровью, жестоко собирали, небрежением к людishкам, во всем превалировала Державность, а ведь происходит это понятие от «держать», то есть «не пускать», а всякое «непускание» по своей сути грубо и безжалостно, то есть бескультурно...

В какой еще стране так собачатся в очередях, на рынках, в граммах, в какой, как ни у нас, монеты на соседней нишур?

Он никогда не мог забыть немецких военнопленных. В сорок шестом работали на Издешевской — строили «ремеслуху». Кирпичи друг другу передают, и каждый: «бите зер» — «дайте шени», как только язык не отваливался за день?

В Переславле, ясное дело, мест в гостинице не было, их ни в одной гостинице страны никогда не бывает, если только не занесла предвара- тельной начальственной бронью или не сунул демонстратору в лапу; решил подремать в кресле. Дежурная раскричалась: «Тут что, ночлеж- ник! А ну вади отсюда, у меня люди отдыхают!» Он попросил разрешения позвонить в милицию,

женщина разошлась того пущее: «Ты меня не пугай! Пугаю! Вали, говорю! А то сама мили- цию вызову, пятнадцать суток врат сло- почешь».

— Где хоть милиция, объясните.
— Или да, я тебе в тиды не напималась.
— Сука, — сказал Костенко, — гадина...

— Товарищи! женщина завершала тонко, пронзительно. Бандит! На помощь!

Двери потыкались, выскочили постояль- цы — кто в длинных сапфировых трусах, кто в кальсонах, только один выглянул в пижаме и тут же дверь захлопнул.

Костенко машинально просчитал, что дверей отворилось восемь, а номеров тринадцать. Дежурная рыдала в трубку: «Милиция? Коля, это ты? А ну, давай сюда паря! Бандит у за- бери, у меня свидетели, топи быстро».

Колей оказался крепким сержант, он с порога спросил дежурную:

— Где хулиган?

— Вои, та! Грозился, матерно обзывал... Правда, мужичок? — спросила она постояльцев.

Те отвечали невразумительно, смотрели, од- накого, на происходящее с интересом.

Поехали, — сказал сержант Костенко. — Там разберемся. Дежурной бросил: Составь заявление, и чтоб свидетели подписались.

— Вы сначала проверьте мои документы, — попросил Костенко.

— В отделении проверим.

— Проверим здесь, — сказал Костенко и про- тинул ему свою полковничью пенсционную книжку.

Коля долго изучал ее, потом сказал зрительно:

— Расходится, граждане, театр здесь, что ли?!

— Нет, а в чем дело? — сказал тот, что вышел в кальсонах. — Вы нам по гласному все объясни- те... Нас отсюда отгнали... За синной у народа теперь нельзя, не разрешим...

— Молчи, «народ!» — отрезал сержант. — Как на рынке виною радом спекулировать, так, понял, «индивидуал», а твой номерок давно записи- тель, а если скандал, на «народ» киваешь...

Люди молча и быстро разошлись по номерам.

Костенко предложил сержанту сесть рядом:

— Пусть гражданочка дежурная возьмет ключи, и давай-ка посмотрим пять номеров — есть там постояльцы или пустуют?

— Коля, он меня матерно обзывал и грозил газ вырвать! — испуганно заплала админи- стратрница.

Костенко спросил сержанта:

— По какой статье дамочка проходила?

Сержант понизил голос:

— Так мы с контрольной проверкой, что ли, товарищ полковник?

Услышав последнее слово, дежурная заплака- ла еще пуще:

— Начальник, не губи, не губи, начальник, дам я тебе номер, но он же бронированный, без исполнения не могу я, запрети мне на эти номера, вдруг начальство нагрянет, их же селить надо, не губи...

— Агентов надо выбирать понадежнее, — сказал Костенко сержанту, — она ж взяла за номера берет. По новосиним временам вы ее не отмоете, придется сажать, как ты ей будешь в глаза смотреть? Да и сам под монастырь попа- дешь... Смотри, парень...

— А я чего? — спросил сержант, потупив очи долу, — я ничего такого с ней не имею... А без присмотра гостиницу оставлять нельзя: сконча- ние, мало ли чего может случиться...

...Утро было солнечным, небо — высокое, синь непроглядная, какое-то странное ощущение невесомой массы, ассоциировалось с вселенской тишиной, миром, бессмертием и безмятежным вечным покоем... Хотя вечный покой скорее приложим к кладбищу, если идти от «передвиж- ников»... Все двоястоуемо, нет одной правды и никогда не будет. Приближение к правде — слагается множества мнений...

До того домика, в котором жил отставной генерал Трехов, можно добраться на автобусе, что ходил раз в два часа, или топать семь километров вдоль по берегу Пяшечьева озера — оно искрило мелкой зыбью, сентябрьский ка- мыш казался бархатным, стайки чирков проле- тали стремительно, как реактивные истребители: брать пример с Божьей твари и подавши- вать — под копыто с нее — атомные бомбы... Эх люди, люди, порождение крохотливое... Жуки — прообраз танка, крот — сапер, воистину из ниче- го не будет ничего; просируем Божью тварь на мощь разрушения, агрызание в глубь самих се-

бя, подкрапывание к дырочке, который сокрыт в каждом...

На третьем километре на поднятую руку от- кинулся наконец шофер бензовоза — моло- денчик парень, волосы, что солома, глаза — синие, громадные.

— Куда вам, дядя?

— А здесь неподалеку, на берегу, возле Зубя- ных старик живет.

— Генерал, что ли?

— Точно.

— Чокнутый...

— Да ну! Давно ли?

— А как Горбачев пришел. Раньше молчал, а вот стал товарища Сталина хулиги, так и он —

туда ж.

— Любимый товарища Сталина?

— Его все честные люди любят.

— Ты сам-то с какого, сынок?

— Старый уже, — усмехнулся паренек, — с шестидесяти пятого.

— Да, дед прямо-таки... Ты ж ни Хрущева не застал, ни Сталина. Откуда в тебе любовь к Иосифу Виссарионовичу?

— А папаша работал в охотхозяйстве, его Василий Иосифович держал, сын тогда. И кон- сервов привезет егерям, и бутылку каждому... Чего ни попросишь — кровель там, стекло, — всем помогал и взятки, как сейчас, не брал: все от чистого сердца... За это его мазали с шпио- стами и погубили мученической смертью...

— А мазали — это кто?

— Ну как? Враги народа, нерусские.

— А шпионисты?

— Так это ж евреи! Вы что, шуткуете, дядя?

— Почему? Просто интересуюсь, как ты себе это мыслишь. Радичева в школе проходил?

— А как же! До сей поры помню, очень заме- чательно писал про страдания народа...

— Он, кстати, масоном был, Радичев-то.

— Ты, дядя, давай, напраслину на русского писателя не песи, а то высажу, и точка.

— Да вот тебе воткий крест, — серьезно отве- тил Костенко. — Для интереса сходи в библиоте- ку, посмотри издание Радичева, там про то сказано...

— Какая у нас библиотека? Одни собрания сочинений — то Брежнев был, то Сусловы там всякие с Соломенцевым, двух слов сказать не могут, а туда ж — за Пушкиным в ряд...

— Сионисты, — рассмеялся Костенко. — До- рогу, небось, тоже они, сионисты, мешают про- ложить, по ухабилам елозим!

— У них руки длинные... Если б от нас что зависело — сразу б провели...

— Ну так и провели б!

— А ты пойдй в исполком, сунься! С Гуше- дором поговори! От ворот поворот — и точка!

— Масоны там сидят? Нерусские?

— Да что ты с этими долбашеными масонами ко мне привязался, дядя? Все об них говорят, что ж, людям не верить?

— Об них не все говорят, об них наши паря говорили с охранкой и Гитлер... Ладно, хрен с ними, с масонами этими... Мясо дают? Колбасу? Сыр?

Шофер покосился на Костенко, оглядел его напаво, принируливо, холодно:

— А вы вообще-то наш?

— Нет, украинец.

— Ну, это разницы нет, что хохол, что русак...

— Полагаешь?

— А что? Если б вы чуркой были — я б вас по физиономии отличил, прибалтийца какого — по выговору, я с ними в армии служил, аккуратные ребята, своих в обиду не дают, молодцы, это только мы как в расколе живем, только и ждем, чтоб друг дружку схарить, будто шакалы какие...

...Генерал Трехов отмахнулся от костенков- ского удостоверения:

— Я любому человеку рад, мил-душа, живу бобылем, милости прошу в залю.

У Костенко стало тепло на сердце: «зало» было комнатой метров шестидесяти, вдоль всех стен стеллажи с газетами, журналами и книга- ми, уютный абакур, такой у бабушки был, только у нее белый, а у этого — красный, спален- ка крохотная, метров шесть, зато кухня с рус- ской печкой — настоящая, просторная, впрочем, Костенко отметил, что ему мешало здесь что- то, потом понял — холодильник, чужероден.

Генерал словно бы понял его.

— Погреб отменен, мил-душа, по я дважды сверился, еле отлежался, пришлось изнасило- вать российскую первоизданность а грибутом ан-

тихо-мелочливой интеллигентности. Увы, молочно из потреба несравнимо с тем, что хранится в холодильнике, но тогда выносят свои коррективы. Чайку с дорожки? Хлебнушка с салом? Ни от чаю, ни от хлеба с салом не отказыв, товарищ генерал.

— Мое личное дело легко запомнишь, мил-душа. Я Иван Иванович. А вы?

— Владимир Романович.

— Кусочек соевый. Очень раскисает, какое-то театральное. Прикашливаете, сейчас нарормио. С чем подавали?

— Я по повелу Зои Федоровой.

— Кто это?

— Африка, которую убили восемь лет назад.

— Погодите, погодите, я ее реабилитировал вроде бы. Так?

— Именно. Я думал, вы ее сразу вспомните.

— Через меня прошли десятки тысяч людей. Владимир Романович. Я и Сергея Королева тело закрыл, и Тудодена, и детей Микояна, и Гату Окулевскую реабилитировал, жену моего фронтного друга Бориса Горбатова, и Павла Васильевича, гениального сибирского поэта, и Василия, и Ивана, Тухачевского, Мандельштама, Мейерхольда, Воллессенского, Михом... — разве всех в памяти удержишь? Видимо, ее дело было легким, в других приходилось разбираться, мил-душа. Таких показаний павильона, стоишь свидетелем выставили. Лично? Ясное дело. Но — доказки! Молотов требовал разгнанных справок по каждому делу, особенно в связи с военными, его же подписи там стояли. Капитулов велел справки на всех секретарей райкомов Москвы ему лично пересылать. По Наркомату — тоже. Никита Сергеевич постоянно интересовался Украиной, только Ворониллов и не в дум. Знаете, кстати, как он был? Две чарки водки, я после — для похмельной бодрости — бухер шампанского. И — все.

Умел пить, знал, когда остановиться. Но он уже тогда, мил-душа, мало что воспринимал, парил, так сказать, считал, что если Хрущев в своей речи сказал, мол, Сталин приедет Ворониллова — немецкий шпион, то с него все списки автоматически снимутся, а он ведь тоже на сотни тысяч давал свою подпись.

— Иван Иванович, вы не помните, кто был следователем Зои Федоровой?

Генерал поставил на стол вкрашенную канусту, буханку хлеба, сало, порезанное щедрыми кусками, и варенье.

— Конечно, не помню, мил-душа. Если б записи вел, а то ведь все тогда было «сов. секретно». Никто не знал, когда придет приказ все прекратить и вернуться к восхвалению великого корючего, будь он проклят.

Костенко достал фоторобот Хрена, показал его генералу. Тот долго вглядывался, потом задумчиво произнес:

— Я его допрашивал... Он в Лефортове сидел.

— По какому делу?

— Кажется, не помню, какие были показания Берия, а потом Абакумов.

— Зою Федорову арестовали по личному указанию Берия.

Генерал покачал головой.

— Сдается мне, там была какая-то игра... Что-то там было особенно коварное... Вы угоняйтесь, мил-душа, угоняйтесь, а я пока раскисаюсь и повспомню.

Костенко положил кусок сала на черняшку, чуть присолил, съел быстро, с нескрываемым аппетитом; ест такие дома, где угоняется в сад, а бывает так, где совестишься кусок со стола взять.

— Хорошо едите, — заметил генерал, — я то на творого сижу, как был, полжелудка выпули, ничего, третий год уже, дети всех врачей-убийц съехались, чьи отцов я реабилитировал, а их следователи — сажал.

— Иван Иванович, врачей реабилитировал Берия.

— Он их выпустил, мил-душа. А дело по-настоящему закрывал я. Лаврентий Павлович только крохотный кусочек айберга приоткрыл в своей борьбе за интеллигентно, он был игрок умный, учитель был не кто-нибудь, а Хозяин. Катати, у вас фотографии Зои Федоровой нет?

Костенко с готовностью разложил перед генералом фотографии Федоровой: и кадры из фильмов, и в пижамном платке со Сталинскими премиями, и убитую — с телефонной трубкой в руке.

Генерал отодвинул все фотографии, оставив одну — со Сталинскими премиями.

— Вот что я помню точно, мил-душа. Прямо-таки страничку дела вижу: «...после вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: «Дорогой товарищ Сталин, у меня отец репрессирован...» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче... Потом ездила к Берия на улицу Качалова... Сталин умел давать взятки, это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозирок, все просчитывал вперед... Эк ведь как сумел «обоймы» создать, организовать классиков... Детская литература: ба-бах ордена Ленина Чуковский, Маршак, Михалкову, Гайдару и Барто — гени, высшие авторитеты, только их и читать детям... Ба-бах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алейникову, Андрееву, Черкасову, Маренко, Зое Федоровой — только они говорят с экрана правду, они, и никто больше. Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи... Пошли кто-то хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Маландина, Ногансона... Что там всякие Гудалишвили, Кочаловские, Мешковы, Сарьяны? Третий сорт... Хоть и тем давал от пирога, по орденкам похвальные, премия похвальные, все взвешивал, фармацевт... Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берия в особняк ее и заарамил... Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, мил-душа, у нее какой-то американец был во время войны, перню?

— Верно. Военный атташе, капитан Джексон Роклер Тайт...

— Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

— Ухватили кончик шкурки?

— Не спазьте, мил-душа. Так в каком его турнути?

— В сорок пятом.

В сорок пятом — задумчиво повторил генерал. Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнути... в год Победы... А Сталин железный занавес начал заново строить в сорок шестом... Понимаете, к чему я веду?

— Понимаю... Вы ищете личные мотивы для высылки американца.

— Точно... Е, видимо, пытались вербовать... Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо...

Костенко хмыкнул:

— А как быть со Сталиным? Он же мертв...

Генерал покачал головой:

— Жив. Многомиллионер... Его жаждал рабы, мечтающие о жестокой руке и новом порядке... Если о нем молчать — придут те, кто страшнее его... Придут такие туголовые изуваты, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство... Стоп, стоп, стоп... Фамилия Билербук вам говорит что-нибудь?

— Доверенное лицо Черчилля? Прилетел к нам в июле сорок первого?

— Молодчина, мил-душа, молодчина, память — форпост ума... Так вот я вам расскажу историю о Билербуке, а потом напомним про любопытный приказ Лаврентия... Лично я документ не видел, вероятно, часть архивов братья Кобуловы, его заместители, успели сечь накануне ареста, их же взяли на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю — после первых показаний членов группы Берия... Но об этом эпизоде вспоминали все... Так вот, мил-душа, когда к нам приехал Билербук, зная о его специфических наклонностях, Берия подвел к нему мальчика-переводчика: после того как лорд торжественно проводил, мальчик исчез, как в воду канул... Берия посылал шпероны со своих помошников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывести на Особое Совещание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой — после успешного окончания переговоров... и вождь отдал приказ: слезить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «босых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желание у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в «охранницу» — американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на ее начали крутить дело... Абракадабра была какая-то... Он

просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотосъемку

заборов, через которые можно сделать дачные заборы, и производить там фотосъемку

забы... Что-то вроде этого, мил-душа. За точность — не отвечаю... И еще, — но это тоже надо проверять, — где-то и как-то пересеклись пути Зои с Галиной Сербрыковой, писательницей, эпием о Марксе, с Лидией Руслановой. И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером... Конечно, я сделал преступление: надо было б веси хоть односторонние конспекты, но я тогда полагал, что отгнел быстро кончить: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что он бы с гордостью носил Сталинскую премию. Все время печатались статьи о неординарности Сталина... Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем — и на тебе «неодозначен»... Мы ж наши мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними... Чайку подогреть?

— А не трудно? Давайте я сам...

— Все вещи в труде, — усмехнулся генерал. — Когда слишком бережешься, начинается раскиса... Все сам, только сам — в этом залог жизнестойкости...

Он вернулся через пять минут: на лысом-большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой, морщинистые и очень большие, восковые уши...

Не жилец, подумал Костенко. Бог забирал лучших, мерзавцы причислены к лику долгожителей... Это пот у него вытеснил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та длет жар... Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он яшнеч доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помимо той, которую уже дал... Ром-Лебедев, цыганский гений, воинству замечательный артист; будь проклята безразмерная нравственность моей профессии; прав Ястреб, «легавый, взял след», не сойду, а утерю — скулить стану, тьфу, противно, ей-Богу...

А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабы — безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству; несгнанные роли, расстрелянные мети, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше.

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не пазкайтесь, тухлое дело, незачем, вам в нем мараться», повиснет на всю жизнь нераскрытая фея...

Сначала делом интересовался зампред КГБ Цыгун; пошл — загадочно; потом посадили цыгана Бору, друга а дома, после умер Сулов — одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи наивные! Неужели им было не ясно, что после смерти Сулова ситуация наверху стала накально-критической? Что может человек, брошенный на пропаганду? Андропов лишил власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь, ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнев-Федорчук, Цинев, их окружение... А Старый Господи, как издревле повелевало, решала все Гришин и Черненко или в одной упряжке... Новое руководство ЧК в их руках, Шелокос — само собою...

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскисывали недели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным. Точно! Вот оно куда тянет, а мы, душни, дальше собственного носа ничего не видели. Вот уж воинству, лучше свобода — с карточками на сахар, чем коррумпированная тирания, смысл которой — обогрывать народ, лишиться его права на мысль, слово, несогласие, альтернативу... Неблагодарные мы люди... Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломишь, Славик, не высывайся, все сложнее, чем тебе кажется».

И Костенко вспомнил этого человека — Дима Степанов, он, точно,

тихо-молоческой индизнации. Увы, молоко из погреба несравнимо с тем, что хранится в холодильнике, но тогда выносят свои коррективы. Чайку с дорожки? Хлебнушка с салом? Ни от чаю, ни от хлеба с салом не отказыв, товарищ генерал.

— Мое мил-отчество легко запомнишь, мил-душа. Я Иван Иванович. А вы?

— Владимир Романович.

— Кусенное созвучие. Очень раскатистое, какое-то театральное... Присаживайтесь, сейчас напорю. С чем подаю вам?

— Я по повелу Зои Федоровой.

— Кто это?

— Африка, которую убили восемь лет назад.

— Погодите, погодите, я ее реабилитировал вроде бы. Так?

— Именно... Я думал, вы ее сразу вспомните.

— Через меня прошли десятки тысяч людей. Владимир Романович. Я и Сергея Королева тело закрыл, и Туполева, и детей Микояна, и Гату Окулевскую реабилитировал, жену моего фронтного друга Бориса Горбатова, и Павла Васильева, гениального сибирского поэта, и Василия, и Ивана, Тухачевского, Мандельштама, Мейерхольда, Воллессенского, Михом... — разве всех в памяти удержишь? Видимо, ее дело было легким, в других приходилось разбираться, мил-душа. Таких показаний павильона, стоишь свидетелем выставили... Лично? Ясное дело... Но — доказки! Молотов требовал развернутых справок по каждому делу, особенно в связи с военными, его же подписи там стояли... Ключевое дело справки на всех секретарей райкома Москвы ему лично пересылались. По Наркомату — тоже... Никита Сергеевич постоянно интересовался Украиной, только Ворошилов и не в дум... Знаете, кстати, как он был? Две чарки водки, я после — для пользы, для бодрости — бутылку шампанского. И — все.

Умел пить, знал, когда остановиться... Но он ведь тогда, мил-душа, мало что воспринимал, парил, так сказать, считал, что если Хрущев в своей речи сказал, мол, Сталин приехал Ворошилова — немецкий шпион, то с него все списки автоматически снимутся, а он ведь тоже на сотни тысяч давал свою подпись...

— Иван Иванович, вы не помните, кто был следователем Зои Федоровой?

Генерал поставил на стол вкрашенную канусту, буханку хлеба, сало, порезанное щедрыми кусками, и варенье.

— Конечно, не помню, мил-душа. Если б записи вел, а то ведь все тогда было «сов. секретно». Никто не знал, когда придет приказ все прекратить и вернуться к восхвалению великого корючего, будь он проклят.

Костенко достал фоторобот Хрена, показал его генералу. Тот долго вглядывался, потом задумчиво произнес:

— Я его допрашивал... Он в Лефортове сидел.

— По какому делу?

— Кажется, не помню, какие были показания Берия, а потом Абакумов...

— Зою Федорову арестовали по личному указанию Берия.

Генерал покачал головой.

— Сдается мне, там была какая-то игра... Что-то там было особенно коварное... Вы угоняйтесь, мил-душа, угоняйтесь, а я пока рас-скаблюсь и повспомню...

Костенко положил кусок сала на черняшку, чуть присолил, съел быстро, с нескрываемым аппетитом; ест такие дома, где угоняется в сад, а бывает так, где совестишься кусок со стола взять.

— Хорошо едите, — заметил генерал, — я то на творого сижу, как был, полжелудка выпули, ничего, третий год уже, дети всех врачей-убийц съехали, чьи отцов я реабилитировал, а их следователи — сажал...

— Иван Иванович, врачей реабилитировал Берия...

Он их выпустил, мил-душа. А дело по-настоящему закрывал я... Лаврентий Павлович только крохотный кусочек айбегера приоткрыл в своей борьбе за интеллигенцию, он был игрок умудрый, учитель был не кто-нибудь, а Хозяин... Кстати, у вас фотографии Зои Федоровой нет?

Костенко с готовностью разложил перед генералом фотографии Федоровой: и кадры из фильмов, и в пижамном платке со Сталинскими премиями, и убитую — с телефонной трубкой в руке.

Генерал отодвинул все фотографии, оставив одну — со Сталинскими премиями.

— Вот что я помню точно, мил-душа...

Прямо-таки страничку дела вижу: «...после вручения мне Сталинской премии я набралась смелости и обратилась к Иосифу Виссарионовичу: «Дорогой товарищ Сталин, у меня отец репрессирован...» Зоя Федорова была у Сталина на Ближней даче... Потом ездила к Берия на улицу Качалова... Сталин умел давать взятки, это не брежневские дилетанты, тот был злой гений дозирок, все просчитывал вперед... Эк ведь как сумел «обоймы» создать, организовать классиков... Детская литература: ба-бах ордена Ленина Чуковский, Маршак, Михалкову, Гайдару и Барто — гени, высшие авторитеты, только их и читать детям... Ба-бах премии артистам, любимым народом: Крючкову, Алейникову, Андрееву, Черкасову, Марцелю, Зое Федоровой — только они говорят с экрана правду, они, и никто больше. Так же и в балете было, и в театре, в науке, живописи... Пошли кто-то хоть слово скажи против Александра Герасимова, Серова, Малевича, Ногансона... Что там всякие Гудалишвили, Кочаловские, Мешковы, Сарьяны? Третий сорт... Хоть и тем давал от пирога, по орденкам похвалы, премия похвалы, все взвешивал, фармацевт... Так вот я вспомнил: вскоре после визита Федоровой к Сталину на дачу и к Берия в особняк ее и заарREST... Ей ведь шпионаж шили, я вспомнил, шпионаж и террор, мил-душа, у нее какой-то американец был во время войны, перню?

— Верно. Военный атташе, капитан Джексон Роклер Тайт...

— Его когда выслали из страны?

Костенко улыбнулся:

— Ухватили кончик шнурка?

— Не спазьте, мил-душа. Так в каком его турню?

— В сорок пятом.

В сорок пятом — задумчиво повторил генерал. Смотрите, как интересно: первый американец, которого турнюли... в год Победы... А Сталин железный занавес начал заново строить в сорок шестом... Понимаете, к чему я веду?

— Понимаю... Вы ищете личные мотивы для ликвидации американца.

— Точно... Е, видимо, пытались вербовать... Впрочем, о мертвых или ничего, или хорошо...

Костенко хмыкнул:

— А как быть со Сталиным? Он же мертв...

Генерал покачал головой:

— Жив... Многомиллионер... Его жаждал рабы, мечтающие о жестокой руке и новом порядке... Если о нем молчать — придет те, кто страшнее его... Придут такие туголовые изуваты, такие неграмотные солдафоны, что Россия после них перестанет существовать как цивилизованное государство... Стоп, стоп, стоп... Фамилия Билербух вам говорит что-нибудь?

— Доверенное лицо Черчилля? Прилетел к нам в июле сорок первого?

— Молодчина, мил-душа, молодчина, память — форпост ума... Так вот я вам расскажу историю о Билербухе, а потом напомним про любопытный приказ Лаврентия... Лично я документ не видел, вероятно, часть архивов братья Кобуловы, его заместители, успели сечь накануне ареста, их же взяли на другой день, а Всеволода Меркулова, ставшего в сорок первом начальником разведки, и вовсе арестовали через неделю — после первых показаний членов группы Берия... Но об этом эпизоде вспоминали все... Так вот, мил-душа, когда к нам приехал Билербух, зная о его специфических наклонностях, Берия подвел к нему мальчика-переводчика: после того как лорд торжественно проводил, мальчик исчез, как в воду канул... Берия посылал шпероны со своих помошников, кого-то отправил на фронт, кого-то приказал вывести на Особое Совещание, а потом выяснилось, что Сталин этого мальчика просто-напросто подарил лорду. Тот обратился к нему с личной просьбой — после успешного окончания переговоров... и вождь отдал приказ: слезить за всеми союзниками, мотивируя это необходимостью гарантии личной безопасности наших «босых друзей по антигитлеровской коалиции». Вот мне и сдается, не было ли желание у Лаврентия Павловича превратить Зою Федорову в «охранницу» — американского друга? Конечно, она отказалась, и тогда на ее начали крутить дело... Абракадабра была какая-то... Он

просил ездить в районы, где расположены военные заводы, и производить там фотосъемку

заборов, через которые можно сделать лан-ные заборы, через которые можно сделать лан-ные заборы, через которые можно сделать лан-ные заборы...

За что-то вроде этого, мил-душа. За что-то вроде этого, мил-душа. За что-то вроде этого, мил-душа...

И еще, — но это тоже надо проверять, — где-то и как-то пересеклись пути Зои с Галиной Сербрыковой, писательницей, эпием о Марксе, с Лидией Руслановой. И, кажется, с Ром-Лебедевым, этим чудесным цыганским актером... Конечно, я сделал преступление: надо было б веси хоть односторонние конспекты, но я тогда полагал, что отгнел быстро кончить: через полгода после двадцатого съезда Хрущев круто повернул, стал говорить, что он бы с гордостью носил Сталинскую премию. Все время печатались статьи о неодо-значности Сталина... Расстрелял всех ленинцев, сделал страну концлагерем — и на тебе «неодо-значен»... Мы ж наши мифотворцев, живем иллюзиями и преданиями, подгоняем факты под то, что нам угодно, а не следуем за ними... Чайку подогреть?

— А не трудно? Давайте я сам...

— Все বেশи в труде, — усмехнулся генерал — Когда слишком бережешься, начинается рас-снад... Все сам, только сам — в этом залог жизнестойкости...

Он вернулся через пять минут: на лысом-большом черепе римского патриция бисерился пот, виски были запавшие, с синевой, морщинистые и очень большие, восковые уши...

Не жилец, подумал Костенко. Бог забирал лучших, мерзавцы причислены к лику долгожителей... Это пот у него вытеснил от усталости, плитка нормальная, не спиральная, только та длет жар... Надо уходить, а я не имею права уйти, потому что он яшнеч доброй Пандоры, если такая была, его надо разговорить, он вспомнит, он обязательно даст мне зацепки, помимо той, которую уже дал... Ром-Лебедев, цыганский гений, воинству замечательный артист; будь проклята безразмерная нравственность моей профессии; прав Ястреб, «легавый, взял след», не сойду, а утерю — скулить стану, тьфу, противно, ей-Богу...

А женщина, которой выстрелили в затылок, когда она говорила по телефону? Несчастная женщина, прошедшая одиночки, пытки, лагеря? Потерявшая во Владимирском изоляторе свои лучшие дни? И бабы — безвозвратно, и, главное, те, что принадлежали искусству; несг-гранные роли, расстрелянные мети, постоянное воспоминание о съемочной площадке, о крике «мотор», когда начинается таинство кинематографа и все замирает вокруг оператора: ты и камера, и никого больше...

Почему меня сняли с дела Федоровой? Всех асов сняли, оставили стариков и мальчиков, а тех, кто прошел огонь и воду, отвели: «Не пазкайтесь, тухлое дело, незачем, вам в нем марать-ся, повиснет на всю жизнь нераскрытая фея»...

Сначала делом интересовался зампред КГБ Цыгун; пошб — загадочно; потом посадили цы-гана Бору, друга а дома, после умер Сулов — одно за другим, все в течение полутора месяцев; Федорчук, пришедший на смену Андропову, вообще отказался помогать: «Это дело Угро, к нам не имеет отношения».

Господи, какие же все советологи наивные! Неужели им было не ясно, что после смерти Сулова ситуация наверху стала накально-критической? Что может человек, брошен-ный на пропаганду? Андропов лишил власти, то есть реального знания происходящего, переместив с Лубянки на Старую площадь, ЧК оказалась целиком в руках группы Брежнева. Федорчук, Цинев, их окружение... А Старый Господин, как последнее издыхание А Москва, Гринин и Черненко шли в одной упряжке... Новое руководство ЧК в их руках, Шелокос — само собою...

Стоп, остановил себя Костенко, а ведь группу по Федоровой окончательно раскисировали не-дели через две после того, как умер Андропов, а Черненко стал Генеральным. Точно! Вои оно куда тянет, а мы, душни, дальше собственного носа ничего не видели. Вот уж воинству, лучше свобода — с карточками на сахар, чем корруп-пированная тирания, смысл которой — обол-ванить народ, лишить его права на мысль, сло-во, несогласие, альтернативу... Неблагодарные мы люди... Черт, но кто ж из наших говорил мне тогда, когда я особенно активничал: «Голову сломишь, Славик, не высывайся, все сложнее, чем тебе кажется»...

И Костенко вспомнил этого человека — Дима Степанов, он, точно,

ИНФОРМАЦИЯ

Конгресс
МАДПР
в Мексике

С 1 по 8 октября 1989 года в городах Таско и Акапулько (Мексика) проходил конгресс Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР).

В его работе приняли участие известные писатели и публицисты — представители жанра детективного и политического романа из многих стран Латинской Америки, Европы, Азии, США и Советского Союза.

В ходе пленарных заседаний и оживленных дискуссий, «круглых столов» и встреч с читателями обсуждались проблемы и пути дальнейшего развития жанра, его роль в литературе, театре и кино.

В своих докладах делегаты конгресса подчеркивали возрастающее значение детективного и политического романа в современном искусстве, его неразрывную связь с общественной жизнью, необходимость единения писателей в решении таких остро социальных проблем двадцатого века, как наркоторговля, организованная преступность, терроризм.

На конгрессе были избраны руководящие органы МАДПР.

Почетным президентом — основателем Ассоциации единогласно избран советский писатель Юлиан Семенов!

На пост президента МАДПР в результате прямого тайного голосования был избран мексиканский писатель Пако Игнасио Тайбо.

Вице-президентами Ассоциации избраны Карл Арне Блом (Швеция), Иржи Прохазка (ЧССР) и Рудольф Перес Вальеро (Куба). Вице-президенты от США, Канады и азиатского региона будут избраны на заседании Исполкома МАДПР летом 1990 года в г. Катоника (Италия).

На конгрессе был также избран Секретариат, в состав которого от Советского Союза вошел молодой публицист Артем Боровик.

уже доказано, что возбужденное против него дело оказалось фальшивкой и он был полностью оправдан.

Когда мы вышли на улицу, чтобы вместе сфотографироваться, я спросил его, какой ресторан лучший в городе, и он ответил: «Анджелос». Тогда я спросил, какого он мнения о заведении возле гавани с яхтами, перед отелем «Эксельсиор». «Туда ходить не стоит», — ответил он. — Еда хорошая, но дерут втридорога».

Мне никак не удавалось отождествить велевропейского синьора Лучано из Неаполя с прежним Лаки Лучано из Чикаго, однако я не поселился поколебать его мнение: досле в Италии. Из него мне стало ясно, что, судя по всему, клан, которым он руководил в Америке, либо уже вытеснен, либо они выпали сами в сылке.

Например, в марте 1958 года специальная судебная комиссия в Неаполе рассмотрела заявление римской полиции о том, что Лучано необходимо выслать на маленький остров или в горную деревушку, поскольку он замешан в международной торговле наркотиками. Комиссия постановила, что дела против Лучано не существует, что он — «свободный гражданин, как было доказано, и ведет в высшей степени примерную жизнь, не давая повода для порицания». Прокурор обжаловал это решение, заявив, что к уликам против Лучано отнеслись недостаточно серьезно, но итальянский апелляционный суд не обнаружил «ни малейших оснований для подозрения» и объявил, что Лучано «абсолютно вне подозрений в том, что касается противозаконной деятельности».

Затем, в марте 1959-го, произошел тот самый случай, о котором мне рассказывал Лучано. Согласно протоколу суд признал некоего Шибилла виновным в распространении порочающих Лучано слухов и в результате приговорил его к двум с половиной годам заключения. Шибилла признался, что предоставил Американскому бюро по борьбе с наркотиками ложную информацию о Лучано, чтобы «немного заработать». А состояло его сообщение из того, что Лучано организовал «исчезновение» одного итальянского мэра, потому что тот будто бы надул его при перепродаже наркотиков.

Где кончается человек и начинается миф? Сейчас мистер Квентин Рейнольд пишет о нем сценарий для «Юниверсал Пикчерс». Было бы прекрасно, если бы сценарий заканчивался так: Соединенные Штаты принимают «план Лучано» по борьбе с торговцами наркотиками, а его самого ждет триумфальное возвращение в Америку, где под звуки божественного хора, из тех, которыми славен Голливуд, мистер Лучано любезно соглашается стать почетным членом гольф-клуба «Семинол» (Мистер Лучано мирно почил в 1962 году.)

Наш комментарий

Приведенный выше отрывок любопытен по многим причинам. Во-первых, потому, что беседуящие — знаменитые личности: Ян Флеминг, основоположник разновидности современного шпионского романа — шпионской сказки, создатель знаменитого супергерота Джеймса Бонда, и Лаки Лучано — король преступного мира, один из тех, кто стоял у истоков «Козы ностры» — американской мафии. Любопытен и то впечатление, которое произвел Лучано на Флеминга, и оценка данная ему писателем. Но самое удивительное то, что Флеминг и не подозревал, что человек, представлявшийся ему всего-навсего «последним из могикан» зры Аль Капоне, гангстером старой закалки, примитивные методы которого давно канули в прошлое вместе с «сухим законом» и усами, которые традиционно носили мафиози в 20-е годы, не только не отошел от дел, но, напротив, воздавая наиболее прибыльный и по сей день преступный бизнес — международную торговлю наркотиками. Такое поразительное

тально известное неведомое писателя, видимо, объясняется тем, что о подлинных масштабах деятельности Лучано, да и мафии в целом, стало известно значительно позже (сам Флеминг скончался 12 августа 1964 года). Но в момент беседы Флеминга с Лаки, в 1960-м, слово «мафия» еще звучало экзотично, как еще недавно СИНД, а причащения Джо Валдаци, первого из гангстеров, рассказавшего комиссии американского сената в 1963 году о существовании «Козы ностры», были еще интригой. Что же известно о Лучано теперь?

Карьера Сальваторе Лучаниа, известного больше как Чарли Лаки Лучано, началась в Нью-Йорке, куда в 1907 году переехала из Сицилии его семья (будущему гангстеру было тогда 7 лет). «Школу жизни» Сальваторе проходил в бандах подростков в том же районе Нью-Йорка, что и знаменитый Аль Капоне, и уже в 16 лет его фотографии украшали полицейские доске. Примерно в 1920 году на «способного» парня обратила внимание мафия. Лучано отлично зарекомендовал себя, сначала оказав поддержку в борьбе за власть одному из тогдашних «ангритов» мафии Джузеппе Массерия (Джо Босс), а затем продемонстрировав отличные организаторские способности. Именно Лучано принадлежала идея создания «Большой семерки» — гигантского гангстерского треста, во времена «сухого закона» контролирующего всю контрабандную торговлю спиртными напитками в США. Став во главе «Большой семерки», Лучано сосредоточил в своих руках огромную власть. Это вызвало недовольство среди тех «семей» мафии, представители которых не вошли в трест. В начале 1929 года Лучано, избитого до полусмерти, со следами ожогов на теле, полицейские подобрали на шоссе близ Стейтен-Аленда. В полиции, однако, он утверждал, что понятия не имеет, кто и за что мол на него напал, и что мучителей своих не помнит. По всей вероятности, Лучано получил своеобразное предупреждение от других «крестных отцов»: не зарывайся! Но многие были убеждены, что Лучано лишь чудом остался жив, и после этого он получил прозвище Счастливище (Лаки).

В 1931-м, приговоренный к 11 годам тюрьмы, король мафии Аль Капоне сошел со сцены. Вместе с ним ушел в прошлое традиционный гангстеризм, основанный на примитивном насилии. На смену «старикам» пришло молодое поколение гангстеров-бизнесменов, и одним из главных его представителей стал Лучано, хотя, к слову, и был старше Капоне на 2 года. Впрочем, умное, «по-капиталистически» ведя деловые операции, «моздолом» не отказывался от насилия. Так Лучано лично помог отправиться на тот свет своему боссу Джо Массерия и его преемнику Сальваторе Маринано — они стояли на его пути к власти. Вскоре с засильем «стариков» в рядах американской мафии было покончено. Лучано, по сути, возглавил «Коза ностру».

5 декабря 1933 года был отменен «сухой закон». Мафия, успешная к тому времени сколотить немалый капитал на контрабандной торговле спиртным, быстро переориентировалась. На смену «Большой семерке» пришла «Большая шестерка» — синдикат, так же пользовавшийся огромным влиянием в преступном мире. Основными областями деятельности «Большой шестерки» были букмекерство, нелегальные азартные игры, убийства «по контракту», торговля наркотиками и разнообразные формы рackets. Так, большой доход приносил Лучано racket профессиональной проституции, который он довел до совершенства: только в 1935 году это принесло мафии около 20 миллионов долларов, 200 тысяч из которых составила доля Лаки.

Лучано чувствовал себя в безопасности: нахулять ниточки, ведущие к нему, было чрезвычайно сложно. Однако прокурору Нью-Йорка Томасу Дьюю, в 1935 году занявшемуся расследованием racket профессиональной проституции, удалось установить, кто за этим стоит. Чтобы изобличить преступников, необходимо было предоставить суду свиде-

телей. Но где их взять? Дьюю нашел оригинальное решение. Вечером 1 февраля 1935 года полицейские агенты арестовали 110 проституток из 41 публичного дома Манхэттена и Бруклина. Напрасно Дьюю судил их, что Лучано никогда не вернется в Нью-Йорк (Лаки сбежит во Флориду), если они дадут показания, — «девочки», хорошо знакомые с методами мафии, молчали. Наконец кое-кто из них все же заговорил. В суд были вызваны 68 свидетелей, среди них 40 проституток и владельцы публичных домов и 12 сутенеров. В июле 1935-го Лучано (полицейские задержали его в гитате Арканзас) был приговорен к 50 годам заключения и отправлен в каторжную тюрьму Даннемора.

Однако Счастливищу везло. Через 7 лет, в мае 1942 года, его внезапно перевели в тюрьму с более мягким режимом. Там его неожиданно навестил адвокат Моисе Полаккоф: он пришел с поручением от правительства США, точнее, от разведывательного управления морских сил. Суть разговора сводилась к следующему: союзники готовят высадку на Сицилию. Но полиция французских войск на этом острове, занимающем стратегически важное положение в Средиземном море, очень сильна. Нужны местные люди, готовые оказать содействие союзникам. Сможет ли помочь сицилийская мафия?

Лучано дал свое согласие. Он обратился к своему приятелю и компаньону Калоджеро Винчини (дону Кало), главе сицилийской мафии, с просьбой оказать всестороннюю поддержку американским войскам при вторжении на остров.

Тесное сотрудничество Лучано с военно-морской разведкой США дало повод его адвокатам ходатайствовать о досрочном освобождении мафиози из заключения. В конце 1945-го апелляционный суд, принимая во внимание его «ожизненно важный вклад в военные усилия страны», принял решение освободить Лаки от 40 оставшихся лет тюрьмы и депортировать в Италию.

9 февраля 1946 года Лучано выехал из США в Неаполь, где ему предстояло жить под надзором полиции. Жил он тихо и незаметно, существуя на рэнту с состоянием, вложенного в некий бизнес в США. На самом деле источником дохода «тихого пенсионера» были наркотики: в Италии он стоял в главе преступного треста, поставившего в США героин и гашиш. Как было установлено Бюро по борьбе с наркотиками, ровно через 3 месяца после возвращения Лучано в Италию в США прибыла первая большая партия контрабандного героина на сумму 250 тысяч долларов.

Лучано преуспевал, полностью оправдывая свое прозвище — Счастливище. Но 27 января 1962 года счастье наконец изменило ему. В тот день Лаки приехал в аэропорт Неаполя встречать друзей из Америки. Пока ждал рейс, заказав себе, как обычно, чашечку кофе. Но до конца допить ее Счастливище не успел — остановилось сердце, инфаркт. Были, однако, подозрения, что отравиться в мир иной Лучано «помогли»...

«Где кончается человек и начинается миф?» — задается вопросом Ян Флеминг, заканчивая рассказ о Лучано. Английский писатель, видимо, попал под обаяние мифа. Но история Лаки Лучано, основанная на фактах, говорит о другом.

Перевод и комментарий
Георгий ТОЛСТЯКОВА

ОТВЕТЫ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Начальник
Уголовного розыска
страны
Вячеслав
ПАНКИН

**О ликвидации
межрегиональной группы
расхитителей и сбытчиков
наркотиков из
промышленного
объединения
«Чимкентбиофарм».**

На протяжении ряда последних лет в просторной сфере отечественного наркобизнеса стали время от времени появляться крупные партии наркотиков промышленного изготовления. Наркоманы

Москвы, Ленинграда, Ташкента, республик Закавказья, Прибалтики и Дальнего Востока платили огромные, год от года все большие, деньги за приобретение «белой смерти».

В главном управлении уголовного розыска МВД СССР каждый зарегистрированный факт сбыта этого вида паразитов брается на особый контроль, записались многочисленные дела оперативного учета, проводились оперативно-розыскные и иные мероприятия по выявлению источников и каналов распространения опасного зелья, осуществлялись массовые проверки установленных правил хранения, учета и расходования паразитических средств в лечебно-профилактических учреждениях методико-биологической промышленности.

Результат проявился в сентябре 1988 года. В Приморском крае был задержан с поличным ранее неоднократно судимый Кагарский В. П., находившийся во всеобщем розыске, который под чужой фамилией совершал целочисленные рейсы по маршруту Чимкент — Хабаровск — Владивосток — Чимкент, доставляя крупные партии норовика морфина оптовым сбытчикам из Пригородного и Хабаровского краев.

Через месяц в Тбилиси при
бытие сухого морфия задержа-
нны Исаков А. И. и Усубо-
ва З. С., периодически, как
установлено, выставлявшие в
Читинг

В целях выявления организаторов и расхитителей наркотических средств, полного установления эпизодов их преступной деятельности была создана оперативно-следственная группа в составе сотрудников ГУУР МВД СССР, МВД Казахской, Грузинской ССР и УВД Приморского крайисполкома.

РЕМИНЕСЦЕНЦИИ-1

По паспорту она значилась как Ирина Владимировна, но представлялась Эльвирой Вольдемаровной или просто Эллой. Впрочем, все знакомые звали ее Крошкой, что ей тоже импонировало.

А фамилия ее понашему германскому баладаха. Отец Эдлы — из сосланных Сталиным в Узбекистан новоязских немцев и превращен во Владимира вполне понятной силой постэвакуационных обстоятельств. Мать — опять же из сосланных — турчанка. Этот гремящий, словно латиноамериканский карнавал, замес полиарно-разноместных кровей подарил Эдле обаяние и красоту.

В состоянии наркотического опьянения от ее улыбок я согласился сопровождать Эльзу в ее родной Самарканд. Там я мог рассчитывать экзотично богини образовалась пара проблем. Во-первых, она должна была подделать несколько документов, чтобы спокойно высказать к своему фиктивному супругу на Запад (супруги стоял ей гораздо больше, нежели оформление «левых» бумаг, потому, что за свободу «замужнего высидя» Элла заплатила долларами). Во-вторых, нужно было подменить отцовское наследство с младшей сестрой (их папа был влиятельным полковником Крошкин, паниш в тех краях, бравада, так что распорядиться, подлинно бирался).

Не стану нудно описывать все самаркандские приключения в духе «Тысячи и одной ночи». Однако врезавшийся вихрь трехминутной атаки в аэропорту Ташкента помню, поверное, буду всегда.

В поисках запропастившейся
сразу Элли я завернул за
вытертый угол — прижав мою
ослепительную попутчицу к
грязному кафелю какой-то
стены, смуглый красавчик в

горчицного цвета кожаном пальто нашаривал под се супердорогим свитером.

Я на какой-то миг опешил и позорно промедлил, не проявив положенной рыцарской доблести.

...Очнулся на заплыванном полу, нахнувшим почему-то поджаренным семечками. Вороту было противно солоно от крови — два зуба выбито. А в переносицу упирался бодрине прохладный ствол неестественно громоздкого «магнума». Верхом на мне сидел лысоватый малый с орлиным лицом, более похожий на северокавказца, чем на узбека. Лицо это я не забуду...

CEMEX-1

Они были неприметной парой. Инвалид II группы Миша Горюченко, который, несмотря на треугольные густые усы и по-благородному высокие залысины, не выглядел, по-моему, значительно старше своих беспокойных тридцати, и его двадцатисемилетняя жена Лена, скучная узкоплечая женщина с простым одутловатым лицом школьной буфетчицы.

Немногие догадывались, что за внешне бесцветным фасадом зурядного, казалось бы, быта плавится шекспировский накал небезопасных разборок и вскоре полыхнет ядовитым огнем, прольется бо́льшой кровью. Они слыли неприметной парой.

Неприметной. Сытное, хотя и смутное свое благосостояние старались не рекламировать. А дом был у них — позволяю себе старый и зато

04

сканный штамп — подлая ча-
ча Полная. Импортной аппа-
ратурой, престижной ме-
белью, помпезными коврами,
симпатичными безделушками,
наркотиками и... мучитель-
ным страхом.

Им было чего бояться.

Ординарная аппаратчица Чимкентского химфармпредприятия (ХФП) Елена Георгиевна Горюченко, не горючая, купила у своего преданного любовника и телехранилища Коли Лазаренко старенький, но заботливый ухаживатель обрез. Однако и это, тщательно заботливое изоляционное лентой, прибавление к семейному оружейному арсеналу не убергло семью от лихих беды.

Аликета: Лазаренко Николай Васильевич, 1960 г.р., водитель чимкентского таксопарка. По материалам следствия, продал морфина на сумму около 60 000 рублей.

ОКОЛО
ЭТАП

ЭТАП-1
Операция по разоблачению чимкентской наркомафии разделилась на три этапа.

Первый. Раскрыть мафиозные ячейки в Грузии и Приморье, выявить сеть связей с Чимкентом, накопить свидетельскую базу, добыть вещественные и иные доказательства.

Для этого осуществлялись скрытые выезды оперативных работников уголовного розыска в Чимкент и другие города для детальной проверки полученной информации на ме-

ченнои информации на ме-

О Т Ч Е Т

О результатах проделанной работы ГУУР МВД СССР, МВД Казахской и Грузинской ССР, УВД Приморского края по выявлению сыпчиков наркотиков с Чимкентского ХЭС

Ч И М К Е Н Т С К И Й Х И М Ф А Р М З А В О Д

<p>Краскова И.В. 1955г.р. арестована за хищение 3035 похищено 10 кг морфина на 1 000 000 рубл., арест.</p> <p>Полкова Т.Т. 1955 г.р. милиционер по окраше 323 сбила морфина на 34 000 р.</p>	<p>Горюхинов Е.Г. 1961 г.р. аппаратчица 343, не судима хищение, сбит морфина на 300 000 рублей (по минимальным ценам "черного рынка"), арестована</p>	<p>Сейменов Е.Б. 1962г.р. аппаратчик 363, сбит морфин Горюхинов арестован</p>
<p>Лазаренко Н.И. 1960 г.р. Ч.Чисент, таксист. Тех.эксперт и законник Горюхинов Е.Г. сбит оп огнестрельного оружия. Сбит морфина на 60 000р. арестован</p>	<p>"ДЮНА" Ирмаметов Т.О. 1957г. хител Чисента, ранее судим за убийство. РУКОУДЫ ИШТЯНД НАРХО-БЫЗЕСОН (оправдала 2.02.89г. reasoned малолетнее и убийство мужа сбитыми морфина Горюхинов Е.Г.) Сбит морфина на 80 000р. Арестован</p>	<p>Полкова Т.Т. 1955г.р. прислала морфин арестована</p>
<p>Сирипак А.И. 1966г.р. Ч.Чисент, рабочий арестован</p>	<p>Амаретов Х.Б. 1953г.р. хител Чисента, судимый арестован</p>	<p>Турсиметов А.А. 1956г.р. сбитчик арестован</p>
<p>Сирипак З.И. 1959г.р. не работавший, ранее судимый, арестован</p>	<p>Мошарев Е.Н. 1962г.р. хител Чисента арестован</p>	<p>Садов С.М. 1964г.р. сбитчик-оптик арестован</p>
<p>В 1968 году дважды с применением огнестрельного оружия совершил разбойное нападение на супругу Горюхинов Завария 40р. морфина, 4000 р. денег, две другие изданы</p>	<p>Добрыкин В.И. 1964г.р. хител Чисента арестован</p>	<p>Березиков И.И. 1963г. сбитчик оптика арестован</p>
<p>Бахтияров В.Н. 1961г.р. ранее судимый, арестован</p>	<p>Кузнецов З.Г. 1958г.р. арестован, в розыске "завершил" ренет Горюхинов Михаила 44 000р. убийство, полжиг автомата.</p>	<p>Малалов В.З. 1964г.р. сбитчик, арестован</p>
		<p>Сириченко К.Г. 1967г.р. сбитчик арестован</p>
		<p>Бухалев И.И. 1962г.р. сбитчик арестован</p>
		<p>Запашаев Г.П. 1954г.р. сбитчик арестован</p>
		<p>Железо О.П. 1962г.р. прислереетне, сбит подписка</p>
		<p>Колесов А.А. 1952г.р. прислереетне подписка</p>
		<p>Зисентов Е.М. 1959г.р. хител Ч.И. АССР, розжиг</p>

Всего арестовано	-	21
Под подпиской	-	2
В розыске	-	3

ПРИМОРСКИЕ КРАИ

Манафов Р.А.1945г.р. хителъ Чимкента, судья за убийство.Организа- тор съвета морина в Плиморски край, арест	Николаенко А.И.1954 хителъ Нидловатона съит, притон, склон. арестован
Норобевичи М.А.1954г.р. хителъ Находки,Прим.край сымчик оптовик, арест	Казанков Н.В.1952г. хителъ Чо-ха съит, притон, склон арестован
Кагарницкий В.П.1954г.р. хителъ Артеми,Прим.край он же Захаров С.А.1954г. находился в ромские под- чукой фамилии перевозчи- и сымал крупные части морина, арест	Погодин С.Н.1963г.р. приобретен, арестован
Денисенко С.И.1958 г.р. хителъ Находки Прим.кр. арестован	Тарасенко 1956г.р. съит, арестован
Лоскутова (Берг) М.Д. 1958г.р.сымчикши подписка	Делпкин Е.Н.1962г. приобр. арестован
	Чугуева Т.Г.1961г. съит, арестована
	Мурзев В.И.1953г. хителъ, съит, арест.
	Суханов В.В.1960г. съит, арестован.
	Геренко-Толмачев С. 1952г.р.съит, арест.
Всего арестовано - 14 Под подпиской - 2	Богословский Б.А. 1962г.р. съит, арест
	Тушин В.П.1963г.р. хителъ, подписка

Всего арестовано - 14
Под подпиской - 2

В настоящее время за незаконные операции с порохом морфина, брошенного с Чукотского ХвЗ, арестовано 37 человек, находятся под подпиской 6, объявлено в розыск 2 человека. Задokumentировано 28 фактов сбыта наркотических средств, раскрыто 1 убойство, 3 вымогательства "рекет" с применением огнестрельного оружия, 6 изъятий оружия, 1 вымогательство с применением огнестрельного оружия и боеприпасов, 11 квартирных краж и др.

Преступникам вменяется сойт наркотических средств на сумму 1 млн. 500 000 рублей, калиты денег и ценностей, описано 230 000 рублей

стах, установления необходимого наблюдения и принятия мер разведывательного характера к оповещкам. Сотрудники УВД Чимкентского облисполкома на первоначальном этапе не задействовали поскольку не было гарантии, что сведения о работе оперативников не станут известны руководителям здешней наркомафии.

РЕМИШЕНЦИИ-2

Переместив итальянский паспорт к моему разбитому рту, орлиноносый неторопливо продолжал обыск. Скромные банкноты брезгливо аляжало обратно в карман, а мое редакционное удостоверение через плечо бросил обладателем горючего пальто. Тот, ловко поймал выпавшего листа «корочку» коротко посетовал: «пошли!» и, проходя мимо, с размаху ударил меня в правый глаз мыском полуботинка.

СЕМЬЯ-2

Чимкентской наркомафией руководил Ташбулат Ирисметов по кличке «Диккий». Фигура в уголовной тусовке, бесспорно, авторитетная. В свое время «торгал» за убийство.

Анкета: Ирисметов Ташбулат Османович, 1957 г. р. Организация разбоев и вымогательства. Сбыт морфина на 80 000 рублей.

Боевики группы «Дикого»

В отношении его брата Мананова А.А. материалы были выделены в отдельное производство, так как у него удалось изъять лишь винтовку и холодное оружие.

Учитывая, что процессуальных доказательств на Зубарева В.Г. собрано недостаточно, в целях установления мест хранения наркотиков и задержания его с познаниями проведения оперативной комбинации. Под видом «кушан» — оптового приобретателя — в разработку введен молодой оперативный работник из Грузии лейтенант милиции Телитя Г.П., которому под контролем 7-го отдела и приведенной в боевую готовность группы захвата удалось вместе с Зубаревым посетить несколько адресов, где подпольно брались Манановых у своих проверенных «связей» хранят пыльные партии наркотиков. Чтобы войти в доверие, Телитя принял наркотики.

После этого операция была и закончена: Зубарев и его люди задержаны.

В ходе массированных обысков у них изъято морфина, гашиша и опия на сумму более 5000 рублей. Сам Зубарев арестован и направлен в

них работников УВД) в конце января 1989 года вновь сформирована бригада следователей и оперативных работников.

Руководитель и часть группы под документами прикрытия в качестве туристов поселились в Чимкенте, остальные, в целях конспирации, находились на постоянной связи,

на "ДИКОГО"

братя Скрипак рэкетировали Елену Горкоенко и ее мужа Добыча, золотого, 40 граммов морфина и ровно в его раз больше рублей.

2 февраля 1989 года четверо чимкентских рэкетиров выбрали из Михаила Горкоенко новую мзду — 44 000 рублей и, чтобы поставить в «семейной истории» точку, задушили и вывалили Машину убитого сожгли. Они не знали, что к этому времени за Еленой уже велось круглосуточное наблюдение.

ЭТАП-2

В конце ноября 1988 года была сформирована бригада следователей и оперативных работников, которая под руководством Прокуратуры СССР провела обыски в домах владельцев чимкентских мафиози, организаторов сбыта морфина, — братьев Мананова Р.А. ранее судимого за убийство, Мананова А.А., дважды судимого за сбыт наркотиков и Зубарева В.Г., судимого за сбыт. Все, в силу ряда обстоятельств, хорошо осведомлены об оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, но тем не менее успешно задержаны.

При обыске у Мананова Р.А. изъяты вещи и деньги, полученные за наркотики (на сумму 25 000 рублей). Наложив арест на дом (недавно приобретенный за 50 000 рублей), автомашину ГАЗ-24. Мананов арестован и этапирован во Владивосток. Следствием доказано, что он реализовывал жителям Приморского края Воробейчику М.А. Каварлишкому В.П., Денисенко С.И., Лоскутовой М.Д. сухого морфина на сумму более 60 000 рублей.

Тбилиси.

Действия оперативно-следственной группы, как и следовало ожидать, спугнули местных наркодельцов. По поступившей через осведомителей информации, они резко прекратили свои грамотные проработанные операции, многие вообще выехали за пределы области. Из-за этого «разлета добычи» было принято решение о немедленном отъезде сотрудников групп.

В процессе длительной и тщательной срежиссированной работы с арестованными Манановым Р.А. во Владивостоке и Зубаревым В.Г. в Тбилиси с применением всего арсенала способов и методов оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел была получена оперативная информация о приобретении ими порошка морфина у аппаратчицы Лены Горкоенко.

ЭТАП-3

На заключительном этапе задержания и процессуального документирования преступной деятельности расхитителей наркотиков (предполагался выход через Елену на дру-

жившая в соседней республике (Ташкент).

За Еленой Горкоенко было установлено круглосуточное наблюдение. Но тут в ход операции внес коррективы «Диккий» и его команда. (Впоследствии установлено, что убийство Михаила совершили жители Чимкента — Анарметов, Добрынин, Мошкарев, Кузьмин, которые знали о том, что супруги Горкоенко занимаются сбытом морфина.)

План действий оперативно-следственной группы меняется. К проведению облавных мероприятий подключены силы и средства УВД Чимкентского облисполкома и в течение трех суток проведено задержание основных расхитителей и сбытчиков наркотиков — Горкоенко, ее сожителя Лазаренко, а также руководителя подпольного наркобизнеса Ирисметова.

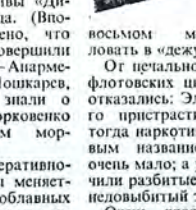
РЕМИШЕНЦИИ-3

Элла медлительно смыкала запертую дверь с моего лица и задумчиво сетовала, что-де новая итальянская куртка «Ритто», видимо, не отстирается вовсе. Регистрация на наш рейс уже закончилась, но Кронка сумела устроить все лучшим образом. (Миллиция аэропорта ее побила еще с тех давних пор, когда она остановила пузатый ее самолет на взлетной полосе, после чего двое пьяных сервантов вытащили ее — беременную на

окупить дорожные расходы да и интересным друзьям обещала дачно?) Они искали и нашли. Мне же досталось потому, что «репортёр и мент» — примерно одно и то же. Умудрился в неподходящий момент оказаться в неуютном месте.

К весне Кронка рванула за море к своим мужьям (фигурально и настоятельно, живущим в соседней стране Говорят, выезжает сейчас в Ленинград на роскошной модели «вольво», «там» стала модной портретисткой, которой позировали королевские особы).

Того, с хитрым орлиным взглядом, я встретил следующей осенью в квартире известного московского плембоя и наркомана по прозвищу Замок (родители его работают на Западе, и четырехкомнатные апартаменты на улице Горького давно превратились в славный притон, ху-

Дожевственно организованным бардаком — напоминающий всеобщие прически арбатских путан).

Хозяин настойчиво приглашал меня «просесть в зеленую» (покурить гашиш) или просто «потусоваться». Я лениво отнекивался и вдруг увидел орлинолицего, выходящего в кухонный коридор.

— Мурад, — протянул он мне руку, равнодушно скользнув бритвенно-острым взглядом по лицу, в которое несколько месяцев назад свирепотыкал стволом тяжелого пистолета.

Неужели не узнал? «Отрепашить» свое личико мне, тогдашнюю слабость и бесславие я был обязан.

Ударил, как учили, почти без отмашки, прямым спину в кадык.

Когда меня, матерясь, оттащили от Мурада, бледная лицом подруга Замка побеседовала со мной в просторной родительской спальне.

— Ты знаешь, к чему вынужден он приехал в Москву? — округляла она подкрашенные зеленым глаза. — Ты хоть понимаешь, что нас всех теперь могут запросто расстрелять? Из-за тебя! Каратист скань!

Я ушел.

Но я знал, что увижу, непременно увижу эти орлиные глаза далекого торговца «белой смертью». В третий раз. Кто он такой и что сбывает, я представлял хорошо из рассказов Эльвиры.

Псевдо-Мурада с орлиным взором я увидел на фотоблине № 2 «чимкентского дела». Подпись: Т.О. Ирисметов («Диккий»).

ЦИТАТА-1

«Организация или содержание приговоров для потребителей наркотических веществ или предоставления помещений для тех же целей наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой» — ст. 226¹ УК РСФСР.

Трагедия только поначалу-неумения, но переступив порог, а секрет настоящего «кагора» прост: лучше побольше заплатить, потому что иначе, дорогой «продукт» выйдет дороже. А зачем мне бросать? Какой смысл жить без настоящего удовольствия? — Я холодею от этой милой извечности самодовольственной «счастливой» улыбки, хотя не верил ни одному слову она была актрисой с божьей искрой.

Наркоманы своему образу жизни придают целую систему оправданий. Они верят Его Величеству Сну. И — что особенно настойчиво подчеркивают — специализированные наркоманы обращают в свою пользу других. И не прощают вероотступников.

БЛОКНОТ-1

В последние годы о наркомании много говорят и пишут. Пишут осуждающие, кляня на социальные предостережения. Не по той ли причине упрели в адрес общества расхолаживание и ласковость? Конечно, так проще. И в «перестройках» ходили, и никому толку не перебежал.

В чем привлекательность наркотиков? Помимо всякого рода религиозных традиций и влечений — распространение наркотиков мода. Быть наркоманом сейчас куда престижнее, чем алканом какин-нибудь. Это — загадочно, где-то даже романтично и многообещающе. Ах, Крошка-Крошка...

Запретный плод сладок. Особенно если он — в моде. А горючки и мурлы на этой моде делают «бабки».

«За последние два десятилетия злоупотребление наркотическими средствами — как природными, так и синтетическими — распространилось в широких масштабах. В настоящее время оно затрагивает практически все страны и угрожает всем слоям общества, включая молодежь и даже детей» (Из резюме Экономического и социального совета ООН по докладу Международного комитета по контролю за наркотиками).

Это беда с ярко выраженной личностной основой. От характера общественных отношений если и зависит, то — косвенно. По моему мнению, человек страдает не столько от социальной дисгармонии, сколько от неладов в семье, на работе и просто от внутренней пустоты. У одних это выплескивается в агрессивное отношение к окружающим. У других же личная душевная неустроенность обращается попыткой забыться «по примеру друзей».

«Склонение к потреблению наркотических веществ наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. То же

деяние, совершенное в отношении двух или более лиц либо несовершеннолетнего...» — до десяти лет» — ст. 224 УК РСФСР.

Кстати, «большая сестра» наркомании — токсикомания — порождает еще и «отдающую» специалистов развлекательной «пропаганды» токсикоманы со стажем порой силой заставляют ребят полагать «шутить». И как за это карать — непонятно. Потому что формально за «распространение и сбыт» всяких аэрозолей, мази и клея наказывают в кодексах не предусмотрено.

ЦИТАТА-2

«В начале февраля с.г. создана следственно-оперативная группа прокуратуры Чимкентской области в составе 6 следователей и 11 оперативных работников уголовного розыска и БХСС УВД Чимкентского областного исполкома».

В ходе расследования процессуально закреплена преступная деятельность Красковой Н.В., аппаратчицы ХФП, которая регулярно похищала морфин и реализовывала его Горюченко Е.Г. и Диевтову В. Арестована милиционером отдельного дивизиона по охране ХФП Волкова Г.Г., которая, являясь соучастницей Красковой в хищении морфина, реализовывала его жителю Чимкента Турсулову А.А.

В целом МВД Грузинской ССР, прокуратуры Чимкентской области и УВД Приморского края за незаконные операции с наркотиками, похи-

щаемыми с Чимкентского химфармпредприятия, арестовано 37 человек, находятся под подпиской о невыезде 6 человек, объявлено в розыск — 3. Задokumentировано 28 фактов сбыта наркотических веществ. Раскрыто 1 убийство, 3 вымогательства (рынок) с применением огнестрельного оружия, 6 фактов хранения оружия и боеприпасов.

Преступникам вменяется хищение и сбыт наркотических средств на сумму свыше полутора миллионов рублей (по минимальным ценам черного рынка). Изъято денег и ценностей, описано имущества и автотранспорта почти на четверть миллиона.

БЛОКНОТ-2

Реминисценции-4. После более глубокого знакомства с документами я для себя узнал, что Мурд и «Дикий» никак не могут — хотя бы хронологически — быть одним лицом. Самаркандский приятель его уехал весной 1989 года за границу.

Наседа. Но я и поныне ощущаю — в метро, за столиком ресторана, у аэрофлотских касс, под сводами ГУМа, на столбчатых площадях и кривых провинциальных улицах, рядом с отделениями милиции, за стенами солидных учреждений, ВЗДЕ его ненавидимый пронзительный взгляд.

Нмеющий глаза да увидит...

Евгений ДОДОЛЕВ

МИНИСТЕРСТВО Внутренних дел СССР

ПРИКАЗ

28. февраля 1989.

Москва

77 з/о

О поощрении работников органов внутренних дел

ГУРР МВД СССР, УУР МВД Казахской, Грузинской ССР и УВД Приморского крайисполкома завершена разработка межрегиональной организационной группы по борьбе с наркотиками, подчиняемая Чимкентского химфармзавода, которую возглавляла делегация подпольного наркобизнеса ранее судимый житель г. Чимкента Ибрагимов.

В ходе осуществления комплекса оперативно-розыскных и следственных мероприятий установлена и задokumentирована преступная деятельность 28 человек, 22 из них арестованы, раскрыто 38 преступлений, в том числе одно убийство, три разбойных нападения, 11 квартирных краж и сбыт наркотических средств на сумму полмиллиона рублей, ликвидирован устойчивый канал bootlegging морфина в незаконный оборот. У преступников изъято холодное и огнестрельное оружие, конфисковано и описано денег и ценностей на 230 тысяч рублей.

За активное участие в раскрытии ряда особо опасных преступлений, проявленное при этом высокое профессиональное мастерство, инициативу и настойчивость —

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В соответствии со статьей 16 Положения о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел присвоить, отменить дисциплинарное взыскание "продрогание"

Министр генерал-лейтенант

Б. Сакум

В. Бакутин

МОТИВ — НАРКОТИКИ

Как сообщалось уже в печати, в Москве по приглашению Министерства юстиции СССР с рабочим визитом находился министр юстиции США Ричард Торнберг. Вместе с ним работали группы американских экспертов, которые изучали возможности будущего сотрудничества. Важнейшее направление этого сотрудничества — борьба с наркобизнесом, терроризмом, организованной преступностью и охрана окружающей среды. Во время рабочей встречи в Министерстве внутренних дел состоялся деловое обсуждение проблем наркомании.

Только с середины 80-х годов мы начали выходить на действительную статистику — сказал начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР генерал-лейтенант Вячеслав Панкин. — На протяжении ряда лет проблема наркомании у нас весьма замалчивалась. Шесть с половиной миллионов гектаров составляют площади, на которых произрастают разные сорта мака, конопли. Одна лишь печально известная Чуйская долина — это полтора миллиона гектаров... Ежегодно мы ставим на учет около 50 тысяч потребителей наркотиков, а надо — 150 тысяч. Морфинисты составляют менее одного процента наркоманов, 25 процентов употребляют гашиш, 54 процента — марювану соломой, остальные используют различные лекарственные препараты.

На вашем месте я бы отбоявился двумя вопросами, — заметил Джек Лон, директор отдела по борьбе с наркотиками Министерства юстиции США, — а именно: проблемой возможного импорта кокаина и опасностью создания домашних лабораторий по производству героина. Очень остро стоит проблема использования лекарственных препаратов в целях наркотического опьянения. В США любой врач или фармацевт, выписывающий рецепт на приобретение лекарства, содержащего наркотические вещества, должен быть зарегистрирован в ДЕА (Администрация по борьбе с наркотиками).

Американцы считают наркоманию одной из самых серьезных проблем, даже более важной, чем проблемы бездомных или распределения госбюджета. Ведь речь идет о будущем нации.

В СССР ежегодно раскрывается 25—35 тысяч преступлений, связанных с приобретением, хранением, сбытом, изготовлением наркотиков, — сообщил Вячеслав Панкин. — Причем в подавляющем большинстве это преступления имущественного характера. Однако, чтобы представить себе истинную картину связи наркотиков с преступностью, надо обладать хорошо поставленной диагностикой. У нас этого нет. Более того, у нас всего 900 человек профессионально занимаются борьбой с наркоманией, из них лишь 12 работают непосредственно в МВД. Несовершенна и материальная база.

В США, как рассказал Джек Лон, осуществляется программа, согласно которой задержанные за совершение преступления лица проверяются на факт употребления наркотиков. 70 процентов оказались наркоманами, причем большая часть из них — женщины. Проверка носит добровольный характер, тем не менее цифры впечатляющие. Аресты и приговоры не оказывают значительного влияния на состояние дел. Стоит арестовать одного крупного дельца, на его место тут же встает другой. Речь идет о сотнях миллионов долларов. Деньги — жизнь и кровь преступных организаций. Например, в прошлом году было перехвачено 659 миллионов долларов, принадлежащих организациям, занятым наркобизнесом. И что важно отметить, американское законодательство разрешает часть конфискованных средств распределять между правоохранительными органами США, которые проводили расследование. Во время последней акции ДЕА удалось захватить 21 тонну кокаина, доход составил 12 миллионов долларов, 6 миллионов отдала местным органам полиции.

Услышав о миллионах, советские участники рабочей встречи лишь дружно вздохнули. Не пора ли и им перенять американский опыт? Не пора ли перестать причитать по поводу убогой материальной оснащенности наших правоохранительных органов? Время действовать.

От редакции:

На Западе, где опыт борьбы с наркомафией накоплен предостаточно — вплоть до сражений с применением боевых вертолетов и мотострелковых частей в тропических лесах Колумбии, — давно практикуется ПРЯМОЕ поощрение. Часть средств, изъятых у торговцев «белой смертью», оборачивается спецфондом для награждения тех, кто рисковал своей жизнью в борьбе с мафией. Сотни тысяч рублей поступили в доход государства после окончания «чимкентской операции». Почему нельзя сорок или, допустим, тридцать процентов этой суммы оставить в Чимкенте: пусть на архивнонеобходимое приобретение спецтехники или —

что лишним никогда не бывает — повышение профессионального мастерства. Поощрять значительными денежными суммами у нас почему-то не принято (стесняемся? уповаем на ликующую энтузиазм?). А иррациональный профессионализм всегда должен по достоинству и высоко цениться. Вот мы и решили в первом номере «Совершенно секретно» объявить о нем розыске бестелца, убившего инкассатора. Считаем социально справедливым передавать определенное вознаграждение тем управлениям МВД, сотрудникам которых вернули государству значительные суммы. А что думают по этому поводу в самом министерстве?

Однажды (дело происходило в оккупированной фашистами Франции) Бердяев, туля по парку, присел на скамейку, уже занятую молодым немецким солдатом. Вежливо осведомившись: «не помешает ли?» — философ спросил:

- Откуда родом?
- Из Кенигсберга.
- Так вы — земляк великого философа!

Юноша смотрел на этого странного русского широко открытыми непонимающими глазами. Он никогда не слышал имени Иммануила Канта...

Совскому сверстнику этого солдата имя Бердяева казалось бы, пожалуй, не больше. Выслан в 1922 году русско-религиозного философа за пределы страны, власти «позабыли» и о его книгах, надежно упрятав их от любопытного взора. Именно поэтому в 1946 году, после известного акта, милостиво разрешившего эмигрантам возвращаться на родину, Бердяев занял четкую и недвусмысленную позицию: он поедет в СССР только вслед за своими трудами. В течение почти двух лет к философу ездили сотрудники посольства и уговаривали стать репатриантом, играя на самых священных его чувствах и почти непреодолимом желании еще раз увидеть Россию.

— А что я буду делать в Москве? —

В третьем номере бюллетеня «Совершенно секретно» мы сообщили о том, что Московская штаб-квартира МАДИР выступила с инициативой создания Музея Н. А. Бердяева. О возможностях и перспективах этого начинания размышляет сегодня наш сотрудник А. Вадимов (А. В. Цветков), личная коллекция которого составит основу будущей экспозиции.

Напомним, что пожертвования можно перечислять на счет № 70130634 во Внешторгбанке (с пометкой «в Фонд Музея Бердяева»). Прислать книги для библиотеки и материалы для экспозиции и архива, а также письменно обращаться по всем вопросам, связанным с организацией Музея, можно по адресу: 119021, Москва, Зубовский бульвар, 4, АИИ, Московская штаб-квартира МАДИР.

квартиру или культурный центр?

Ситуация, в которой сегодня находится наследие русских религиозных философов, сложна и противоречива. В чем-то — даже парадоксальна. Судите сами.

Темпы издания вчерашней «крамолы» форсированы, и из самых грубых подделок явствует, что через десяток лет почти все, принадлежащее отечественной идеалистической традиции, будет переиздано. Между тем такое ответственное дело, как подготовка текстов, великом ложится на совесть отдельных исследователей (весьма немногочисленных, кстати). В стране нет учреждения, которое по отношению к

И именно то обстоятельство, что на сегодняшний день в стране нет учреждений, способных взять на себя хотя бы одну из перечисленных функций, говорит в пользу попытки их совместить. Например, путем создания музея Бердяева. (Название, впрочем, может звучать и по-другому. Научно-исследовательский комплекс. Философско-культурный центр. Или же музей русской философии имени Бердяева.)

Но почему — именно Бердяева? Дело в том, что этот мыслитель сейчас воспринимается как центральная фигура русской философии. Задуман чистом трудно определить, почему получилось так, а не иначе, почему даже

тогдашней широкой доступности (в узких кругах) его книг, а в многочисленных запретах на них и еще, пожалуй, в обилии «критических» исследований. В годы стагнации в нашей стране были написаны десятки статей, посвященных Бердяеву, защищены шесть диссертаций о нем и даже выпущена книга, разоблачавшая скрытую связь философа с транснациональным капиталом и многочисленными зарубежными подпольными центрами.

Тот интерес к Бердяеву, свидетелем которого мы являемся сейчас, молодой уже не назовешь. Его философия потеряла сладость запретного плода, но не свою огромную притягательную силу. Подлинную философию не убавляют ни запреты, ни доступность.

Помочь удовлетворить всевозрастающий интерес к наследию отечественных философов призван Музей Н. А. Бердяева.

Могут спросить, почему с инициативой его создания выступила Московская штаб-квартира Международной ассоциации десекретного и политического романа. Едва ли нужно доказывать свое право на благотворительность.

Можно предположить, что Государственный литературный музей со временем откроет свои филиалы, посвященные философам-интересам

ПРОТИВОЯДЬЕ ОТ ЛЖИ

спрашивал мыслитель очередного полумогучего советника.

— Писать, как и здесь, — отвечал тот строго в соответствии с полученной инструкцией.

— И будут меня там печатать?

— Не сомневайтесь! Конечно, будут спорить с вами, но возможность печататься вы получите.

— Так вот что, — подытоживал разговор Бердяев, угловатый и смущенный лицемерием собеседника. — Когда я буду знать, что мои книги, те, что написаны тут, в эмиграции, распространяются в России, продаются свободно в книжных лавках, допущены в народные библиотеки, тогда и поеду...

«В Россию он не поехал, — записал после смерти философа, последовавшей в марте 1948 года, Борис Зайцев. — Книжки его там под полным запретом».

Через сорок лет после этого (и через семьдесят — после выхода последней книги Бердяева в России) его труды начали возвращаться к соотечественникам. Сначала в виде робких журнальных публикаций, затем — томов. Однако автору их уже не суждено увидеть родину. Его последним пристанищем стало тихое кладбище в Кламаре, предместье Парижа.

И теперь раздаются голоса, предлагающие торжественно перезахоронить Бердяева на престижном московском кладбище. Но эгоизм, если таковой существует, способен разве что привести к справедливому осуждению его инициаторов. Людям, считающим себя цивилизованными, приличнее пользоваться горстью земли и пестком с мотыгой. Но и эти скорбные реликвии не должны храниться в небрежении. Место им в музее.

Но не станет ли его создание своего рода перезахоронением останков? Каким быть музеем, что задумывать и воплощать — строго мемориальную

философию хотя бы отдаленно напоминало то, чем является Пушкинский дом для историков литературы.

Не приходится говорить и о каком-либо серьезном воспроизводстве кадров исследователей: молодому человеку, оканчивающему философский факультет университета, даже почитать первоисточник практически негде.

Проблема специализированной библиотеки, естественно, касается не только студентов. Даже то, что выходит из печати сейчас, где-то должно целенаправленно собираться. При этом необходимо учитывать довольно страшную ситуацию: книги Бердяева, Булгакова, Шестова (многотысячные тиражи) свободно распространяются через книготорговую сеть и по подпольке, но эти же книги (единичные экземпляры) в крупных библиотеках до сих пор не выпущены из спецхранов.

Нужны курсы, слушатели которых получат различные навыки — от умения работать с философской литературой до свободного чтения полерковнославянски. Нужны залы, в которых будут регулярно проходить симпозиумы и конференции, читаться лекции, проводиться выставки, посвященные русским философам.

Наконец — научное учреждение, которое квалифицированно подготовит тексты и комментарии, займется составлением библиографических указателей и летописей жизни и творчества. Все это необходимо, но не утопия ли — пытаться организовать симбиоз музея, научно-исследовательского института, библиотеки, лектория и издательства?

Вопрос серьезный. И окончательный ответ можно будет дать только тогда, когда посетители придут в экспозиционные и выставочные залы, библиотеку, лекторий, а на прилавках магазинов появятся книги, подготовленные в научных подразделениях музея.

Владимир Соловьев, хорошо известный западному читателю уже в прошлом веке, сейчас уступает по своей известности Бердяеву. Может быть, дело тут в проблематике, может быть — в необыкновенном моральном пафосе бердяевского философствования. Не исключено, что свою роль тут сыграли человеческие свойства мыслителя. (Так, поведение Бердяева на допросе у Дзержинского Солженицын считает примером гражданской доблести.)

Важно помнить, что отечественная мысль выдерживает только одно деление: на замкнутую, механически перенесенную с Запада (Белинский, Чернышевский, Писарев и их эпигоны), и самобытную, хотя и органически впитавшую вершины мировой мудрости, философию. Это идеалистическая традиция. Внутри нее есть разнообразие тем, подходов, решений одних и тех же вопросов, но она требует комплексного изучения.

Для поколения, к которому принадлежит автор этих заметок, произведение Бердяева было противоядием от лжи в философии и истории, фальши в литературе и искусстве. Обман и показуха достигли своего апогея к началу восьмидесятых. Но и книги Бердяева к этому времени разошлись (в самиздате, естественно) в тысячах экземпляров. Они выглядели по-разному — от слепых пятых экземпляров машинписи до двухсторонних ксерокопий, поставленных на черный рынок уже переплетенными, чуть ли не с золотым тиснением. Подпольные типографии несомненно получали неплохие дивиденды, но — земной им поклон, могли бы ведь издавать и менее «опасную» литературу. Так появлялась отдушина в наглухо, казалось бы, задрасной крышке.

Обратной стороной медали стала мода на Бердяева, истоки которой, впрочем, коренятся не в относительной

Вл. С. Соловьеву, В. В. Розанову, Д. С. Мережковскому; Русская православная церковь создала музеи мыслителей-священников П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова; Государственная библиотека имени Ленина — философа Н. Ф. Федорова, некогда библиотекаря Румянцева музея. Бердяев был человеком, целиком посвятившим себя персоналистической философии, то есть борьбе за образ Божий в человеке, созданию и защите нежности каждой личности.

Борьба за человека является истинным продолжением бердяевской традиции. Одна из задач нашей организации — быть на переднем крае этой борьбы, там, где Господень образ наиболее попираем — среди «митрарей и грешников». Но если это соображение покажется неубедительным, вспомните «Преступление и наказание», классический образец сочетания криминального сюжета с глубочайшей философией.

И последнее, традиционное замечание — о социальной значимости проекта. Вроде бы с этим все ясно, ведь только безумный не понимает, что тот, кто идет в церковь или читает философские книги, вряд ли станет убивать и насиловать. Только безумный. Но кто в таком случае семь десятилетий томился над религией, взрывал храмы и жег книги, в которых написано о Боге?

Музей Бердяева — воссоздание только малой части поруганного и обделанного. Но это и реализация упущенной, казалось бы, навсегда возможности возвращения Бердяева вслед за его книгами на родину.

В ОДНОЙ
КАМЕРЕ...ДВА ГОДА
С

БЕРИЕВЦАМИ

О. ВОДИН

Из шести с лишним лет заключения два с половиной года я находился во Владимирской тюрьме: из них свыше двух лет общался с бериевцами, как с теми, чьи фамилии благодаря Конкасту и Солженицыну прогремели на весь мир (Зитингон, Мамулов), так и с известными лишь узким специалистам (Шария, Людвигов). В апреле 1961 года меня посадили в камеру 1-93, где находились Штейнберг и Брик. Эту камеру выходяли на прогулку с камерой 1-76, где обитали Шария, Людвигов и Мамулов, а иногда и с 1-80, когда в нее находились Зитингон и Судоплатов*. Поместили меня туда по оперативным соображениям: словечком «бериевец» я, как и всякий в хрущевскую эру, только ругался, они же были безусловно враждебны всякой свободной мысли — следовательно, антагонизм в камере обеспечен, что и требуется «куму» и администрации тюрьмы.

Итак, Матвей (Матус) Азарьевич Штейнберг — высокий, крупный, но исхудавший мужчина с наголо обритой головой и старательно (дважды в сутки) бритым лицом. Лет 60. Общее впечатление — цинизм, выпирающий извизмом губ, движением бесцветных глаз, даже каким-то поворотом ушей. И это впечатление цинизма подтверждалось практикой общения с ним. Короткое время он был в недоумении: как со мной обращаться? Сделал было попытку — как с подчиненным, как со шпаненком, который за печенье и сахар выносил Штейнбергу парашу и вообще «шестерил». Не вышло — не моргнув глазом сменился на изысканную вежливость. Значительную долю времени совместного пребывания мы с ним общались исключительно на французском языке: он говорил легко и гибко, а я напряженно и с ошкибками, но не хотел упускать случая попрактиковаться. Еще он вполне владел испанским и итальянским.

За что Штейнберг сидел, он никогда не рассказывал. Собственно говоря, такая постановка вопроса рассмешила бы его. Он прекрасно усвоил, что сажают не «за что», а «для чего» — для того, чтобы не мешал кому-то. Так вот, кому именно он мешал, он не распространялся. Вообще, подобно Зитингону, он о политически значимом прошлом почти никогда ничего не рассказывал. Порой он напрямую гнал: выдавал себя за генерал-полковника, по какому-то поводу Брик шептал мне, что Штейнберг всего лишь полковник. Намекал, будто арестован с должности нач. Якутского КГБ. Но в иных случаях его рассказы подтверждаются проверкой.

С полной уверенностью можно сказать, что Штейнберг никогда не был и генерал-лейтенантом, что он не начальствовал в Якутском КГБ, хотя исключать недельное пребыва-

ние в должности пома или зама нельзя. По словам Мамулова, Штейнберг последнее время работал в Разведупре Министерства обороны, и арест его (в 1956-м, как и говорил Штейнберг) был как-то связан с Венгрией.

Начинал он свою карьеру в двадцатые годы. Часто возвращаясь к приятному воспоминанию — с наслаждением stalkивал крупными копей людьми в реку. Речь шла о блокировании одной из демонстраций троцкистов в 1927-м, а река была Фонтанка или Мойка в районе Марсова поля. Смаковал он также и последнюю фразу Блюмкина, которого расстреляли в 1929-м: «А о том, что меня сегодня расстреляли, будет завтра опубликовано в «Правде» или «Известиях»? Повторял он ее так часто, что создавалось ощущение его личной причастности. В 30-е годы он уже работает в том гибриде Наркоминдела и Наркомундела, каким был IV отдел НКВД: ведавший внешнеполитическими операциями. Самое светлое время его жизни — работа (т.е. аресты) в Испании в 1937—1938 годах. С каким наслаждением повествовал он, как они вместе с Зитингоном жгли рукописи некоторых советских и испанских коммунистических деятелей, когда тем грозило попасть в руки франкистам (Зитингон никогда не обнажал таких эмоций). Мы как раз тогда читали «Люди, годы, жизнь» Эрзенбурга — это и послужило поводом к беседе, во время которой Штейнберг сказал мне, что «Котов» у Эрзенбурга и есть Зитингон. В 1953-м он был смещен с прежнего поста, его стали тасовать, вплоть до Якутии, как он говорил, а в 1956-м — арестовали. Была у него куча влиятельных родственников и знакомых, он был вполне обеспеченным человеком, издавна привыкшим, как к воздуху, к своей обеспеченности и уже не заботившимся о ее поддержании. Избегал пользоваться советскими изделиями, пристрастиями шло к заграничным.

По тюрьме ходили слухи, скандализованные потом в книге А. Марченко «Мои показания», будто бы бериевцы жили в роскоши и фаворе у начальства. Это неверно. Я могу насчитать только три бесспорных преимущества, которыми на самом деле пользовались обитатели этих камер:

1) Право на вежливое, всегда корректное обращение. Это право надо понимать всегда в широком смысле: например, в том, как производились обыски. Отношения базировались на доверии — не столько на доверии, что у нас нет запрещенных вещей, сколько на доверии, что мы ими не злоупотребим (например, никто из нас не станет скрывать себе вены). Поэтому их не очень-то искали. Приезжие из Москвы начальство укоризненно указывало начальнику 1-го корпуса: «Шупляк, слишком много бритых!» (Ведь в тюрьме не бреют, а стригут машинкой.) Тот ежился, присылал со шмоном сер-

жантов. Но Штейнберг развивал изощренную дипломатию, подкупал надзирателей, и те закрывали глаза на наличие в камере лезвий (исключительно «Жилетт») и зеркал.

2) Право на книги.

3) Бериевцы лучше всех нас знали реальную структуру тюремного управления, кто на кого может выходить. Это они знали еще до того, как их посадили. Они знали, кого и о чем и как имеет смысл просить, когда подавать жалобу целесообразнее всего, а когда надо промолчать. Они оказались в своем собственном мире, который они же и построили, а все прочие — попали в чужой, непонятный, порой вовсе непостижимый мир. И это преимущество знания в высшей степени облегчало их судьбу.

В конце 1965 года Штейнберг написал жалобу, по которой Военная Коллегия Верховного суда отменила ему статью 58-1б и снизила срок заключения до отбытого. В январе 1966-го его освободили, и с того времени он живет в Москве.

Евгений Брик, подобно Штейнбергу, не был, бериевцем в полном смысле, хотя тоже был гебистом. Общение со Штейнбергом помогло установить мне контакты с бериевскими функционерами, общение с Брик — нет. Поэтому, строго говоря, к теме он отношения не имеет, но упомянуть стоит. Сам он называл себя сержантом, а Штейнберг шептал, что Брик — минимум капитан и родня Брика, фигурировавшим в биографии Мамуловского. В свои 20 лет (к 1940-му) он, учившийся в одной школе с «детями Ярославского» (проговаривался кое-какими подробностями кутежей и бесчинств этого круга, чаще в беседах со Штейнбергом, а не со мной), стал штатным стукачом. Квартира его использовалась для конспиративных встреч сексотов и в качестве места осуществления провокаций против намеченных жертв. Похоже, что первый раз у него шевельнулись некие эмоции изумления: «Да разве ж так можно?» — но они быстро выветрились, и деятельность его стала ему представляться естественной столбовой дорогой. Фронтных воспоминаний у него не обнаружено. Зато он был послан в США, где работал долго и успешно. Английский знал в совершенстве, хотя читал мало и не желал бесплатно практиковать меня в английском. Он полюбил Штаты несравненно больше выплачивавшей ему зарплату Родины, пропитался их духом, и я от него первого вдохнул то дыхание американской свободы и американо-американской амбиции, которые так чудесно переданы Бернштейном в «Вестсайдской истории». Он мог заочно остаться в США, но был безумно влюблен в свою жену и возжелал привезти ее в Штаты тоже. Для чего в очередной наезд в СССР стал подготавливать ей побег, что заметила его мать и в духе лучших традиций донесла. Его посадили (около

1956-го), жена почти тотчас развелась с мужем-изменником, а мать за гражданскую доблесть приобрела право на две дополнительные посылки-передачи сыну (когда они стали лимитироваться, т.е. со второй половины 1961 г.). Вот единственное превышение норм передач, которое имело место у бериевцев, да и оно оформлялось как «поощрение» Брика за работу — он устроился уборщиком по коридору. Вообще, он очень тосковал в камере, рвался на любую работу с выводом из нее, мечтал о переводе в лагерь. Разумеется, он стучал, причем даже не слишком скрывал это в принципе, но никогда не создавался в конкретном поступке. Порой он был готов и по собственному почину оказать услугу, неприменного желания напасть у него не было, но отсутствовали некоторые органы моральных чувств. В отличие от Штейнберга он не имел прочного тыла на воле. Деньги, хотя и были, были свежеприобретенные, и он мучился вопросами дальнейшего их приобретения, покупки на них себе домика и т.п. Каждые полтора месяца бухгалтерия тюрьмы погашала в сберкассах выигравшие облигации Брика по 3%-ному займу и приобретала на выигрыш новые облигации — переписка на сей предмет составляла весомую часть жизни Брика. В конце моего пребывания в тюрьме, оказавшись с ним вдвоем (после ухода Штейнберга нас с III этажа спустили в двойник на II этаж), мы возненавидели друг друга (скорее всего, повинен был я, а январь возбужденно ждавший итога ходатайства Келдыша — Твардовского и напугавший всю силу воли, чтобы запретить себе «пустую надежду»). Однако не только до драк, но даже до непарламентских выражений у нас никогда не доходило.

В 1964—1965 годах Брика перевели-таки в лагерь.

Две другие койки в 1-93 заполнялись с калейдоскопической быстротой и к теме отношения не имеют, разве лишь потому, что из них Штейнберг подбирал себе шестерок.

На прогулку же мы ежедневно встречались с обитателями 1-76, являвшимися бериевцами в прямом смысле этого слова: начальник канцелярии Л. П. Берия Людвигов, начальник мест лишения свободы генерал-полковник Мамулов (Мамулянов)*, секретарь ЦК КП Грузии по пропаганде и агитации Шария, а также забытый мной по фамилии еврей-полковник (вропрочем, Штейнберг являл, что он подполковник и не имеет права носить генеральскую папаху, которую тот надевал даже в теплые дни), арестованный в 1951-м за незаконное опробование химикатов на людях. Этот освободился к зиме 1961 года и запомнился мне

* На вопрос, зачем он русифицировал фамилию, Мамулов честно отвечал: «То-варщи Сталин не любил армянских фамилий, вот я и поменял».

* Цифра 1 означает № корпуса.

только своим окриком 12 апреля 1961 года, когда все ликовали по поводу запуска Гагарина в космос: «А вы почему не улыбаетесь? Вам не нравится достижение Советской власти?»

Противовесом этим четырем в камере находился Симон Лезанович Гогриберидзе. Как он начал в свои 20 лет борьбу за независимость Грузии в рядах социал-демократии, так до конца жизни остался верен этой борьбе. От этого высокого кипарисовидного старца с седыми висками вепо чистой и детской преданностью идеалам. Эмигрировав в 1924-м, он время от времени нелегально наезжал на родину, поддерживал, как он рассказывал, нелегальные с.-д. ячейки. В 1940 и 1942 годах Н. Жордания дозды командировал Симона проинструктировать подпольщиков в связи с Гитлером. В 1942-м он учил: «Сейчас мы должны забыть все изнымы. Не время бороться с большевиками. Надо спасти физическое существование России — хотя бы ценой поддержки Сталина». На обратном пути он попался, приговорен к 25 годам, одно время сидел в Шульгинском, вместе с тем освобожден летом 1956-го (вспоминал, как сломался Шульгин к тому времени сравнительно со своей несгибаемостью 1949—1951 гг.), после востановления в Венгрии его известила прокуратура, что освобожден он был по ошибке, и его вернули во Владимир, чтобы сидеть. Предлагали даже, как дал Шульгин и один грузинский с.-д., подпольщику неопределенно-отрекающегося толка, но Симон это отверг. В 1967 году освобожден, в 1969-м получил советский паспорт и работу переводчика при Тбилисском университете (кажется, помогал ему К. Гамсахурдия). Тогда я видел его в последний раз, в сентябре 1970-го мне пришла телеграмма о его смерти, но я уже сидел в Камерской тюрьме. От его общения с ним делалось светлее, будь то в тюрьме, будь то на воле.

Мамулов — ровесник Гогриберидзе — подвешивал в Абхазии то самое востановление, в котором Симон последний раз пытался отстоять независимость своей родины. С тех пор Мамулов подвешивал в чехистско-партийном аппарате рядом с Берией, став после войны начальником ГУЛАГа.

Вот его послужной список: родился в Тифлисе в 1902-м, член КП с 1921-го, в РККА в 1921—1923 годах, на парторботе в Абхазии в 1923—1927 годах, в аппарате ЦК КП Грузии в 1927—1931 годах, на руководящей парторботе в Казахстане и Днепротресте в 1931—1934 годах (только эти четыре года он не при Берии), в Закавказской Контрольной комиссии в 1934—1936 годах, с 1936-го член ЦК КП Грузии, в 1937-м зав. отделом руководящих органов ЦК КП Грузии (тот пост, который в ЦК ВКП(б) занимал тогда Маленков) и третий секретарь ЦК КП Грузии. С 1939-го он в НКВД СССР, 26.04.40, когда ему вручили орден Красного Знамени, он имеет звание старшего майора госбезопасности, а 24.02.45 он комиссар госбезопасности третьего ранга и получает орден Отечественной войны I степени. С 09.07.45 — генерал-лейтенант, с 11.04.46 — зам. министра ВД СССР и начальник ГУЛАГа. 14.04.53 сразу же после реабилитации посаженных по мингирельскому делу и по делу врачей-убийц волился в состав Бюро ЦК КП Грузии. Когда присвоено звание генерал-полковника, не знаю.

3 июня 1953 года был послан Берией с некой инспекцией парторбатов для подголки внеочередного, XV съезда КП Грузии, на котором Берия собирался публично закрепить начавшую реабилитацию (вроде того, как во восточном масштабе сделал это Хрущев на XX съезде КПСС). Не успел он прибыть в Грузию, как его настигла телеграмма от имени Берии — подполковник — с приказом срочно вернуться. Выход из самолета на военном аэродроме, он попал в объятия своего фронтного друга, тоже генерала: «Сколько лет! Вот радость-то встретиться!» — но из объятий

вырваться уже не смог, ибо к двум генеральским рукам присоединилось несколько пар неизвестных, в первую очередь длинных его пистолета. Не только сцену ареста, но и все обилие и осуждение Мамулова рассказывал как предательство и весь был пропитан холодной ненавистью и презрением к правящим. При визитах в камеру начальства из Москвы Мамулов демонстративно поворачивался к ним спиной — эта горбачевская спина невысокого исхудавшего человека (в котором внимательный взор мог заметить прежнюю дорожность), демонстративно всегда носившего серую лагерную куртку, чистую и запатланную, была довольно красноречива. Никогда ни с какими жалобами-заявлениями в Москву и к визитерам оттуда не обращался. Он четко знал, что его жизненный путь поломался из-за интриг Маленкова, которого, как и его начальник Берия, он всегда не любил. Но и прочих, восторжествовавших после Маленкова, он ставил не выше, хотя остерегался отзывать о них с такой прямотой. Читая у Авторханова в «Загадки смерти Сталина» домыслы о якобы союзе Маленкова и Берии, я вспоминал и вспоминал отношение к Маленкову Мамулова и других бериевцев. Из рассказов Мамулова — он порой говорил и сам, но лишь под настроение — для меня бесспорно (впрочем, это подтверждается и многими другими источниками), что в последние годы (не мслыли!) Маленков находился в самых враждебных отношениях с Берией. Когда после смерти Сталина Маленков и Берия вдруг заходили по кремлевским коридорам в обнимку, заулыбались друг другу, то даже шестилетним младенцам в Кремле (как шутил Мамулов, вспоминая кремлевский анекдот, стилизованный под детский разговор) стало ясно, что вот-вот произойдет крупный переворот, что эта притворная любезность разрешится только могилкой одного из них. Надо заметить, что Мамулов, подобно Штейнбергу, стал со мной толковать на эти темы только после того, как увидел, что я знаком с именами и некоторыми фактами из биографии лиц вроде Барамия, Карквензи, Меркулова, Деканозова, Масленникова, знаю о роли несоответствия XV съезда КП Грузии. В противном случае он прошел бы мимо меня с гордым презрением. В отличие от Штейнберга Мамулов не тужил сохранить замашки высшего света ни в одежде, ни в еде, ни в обращении. Глядя на него, никак нельзя было подумать, что до своего ареста он ежедневно прогуливал на поводке личного крокодила — эту пикантную подробность сообщил или придумал неутомимый сплетник Штейнберг, Мамулов же проговорился куда более важным известием: за несколько лет до моих с ним бесед, когда еще держали в одиночке по мотивам секретности, его раз ошибочно вывели на прогулочный дворик, уже занятый другим секретным заключенным. Остобнев, Мамулов узнал в нем высокопоставленного генерала, которого звали вся страна, который числился, по газетным сведениям, расстрелянным по делу Берии. Тот немедленно отворнулся, спрятав свое лицо, надзирающий взорал на Мамулова: «Выходите!» и вывел его на другой, пригласившийся ему дворик. Ошибиться Мамулов не мог: он куда как хорошо знал этого человека! Фамилию его он отказывался мне назвать, как я ни просил и как ни изощрялся в перечислении известных мне фамилий от самого Берии до Рюмина и Рухадзе. Он непритворно жалел, что проговорился: ему казалось, что разглашение такой государственной тайны может отягчить его собственную судьбу. Приговорен Мамулов был именно к тюремному заключению на 15 лет. Ему, как и всем прочим, отнюдь не емелились какие-нибудь нарушения законности, измышательства над заключенными и т.п., а лишь способность продвигаться по службе врагу народа Берии П.П.

В день моего освобождения, 27 июля 63-го, началось общая пере-

тасовка камер, и Мамулов был передан в камеру к «двадцатипятилетнику» М., до того сидевшему в одиночке. С середины 50-х годов М. работал при библиотеке, точнее, составлял каталог тюремной библиотеки, для чего в его камеру порциями носили книги, а за это он получал мизерную сумму на ларек. Мамулов питался плохо и попольстился на деньги, а заметив среди книг «запрещенные» — пропил «идейно-политическую бдительность». Ведь библиотека во Владимире была чудесная прежде всего тем, что по ведомственным причинам ее практически не касались изыскания «устаревшей литературы» в 30—40-е годы. Я там наслаждался, словно попал в спецдз, и известны случаи, когда умудренные лагерники специально стремились «попасть во Владимир», дабы «заниматься». Хотя в этой камере Мамулов пробыл меньше полугода (до ноября), его доносы сработали: у М. отняли кусок хлеба (у него не было никаких родственников-знакомых из воле), а в лагере замполит Хачикин (при мне ст. лейтенант, позже майор) назначил библиотечником Мамулова. Каталог составлен не был, но все сомнительные книги изъяты. Последние ли это полные дела Мамулова на земле?

В 1969 году Шария и Гогриберидзе мне рассказывали, что Мамулов живет с 1968 года в Сухуми, но когда я в 1974 году попытался его разыскать, я не нашел даже дома с указанным адресом.

Интеллектуалом среди них был Шария (Шария). Издавна он был секретером Берии то по науке, то по иностранным делам, а Берия бесподобно умел подбирать людей. О самом Берии Шакин как-то сострил: «Со времен Гутенберга Берия не прочитал ни одной книги, и пересказывал мне этот анекдот, все бериевцы соглашались с расстрелянным Шакиным: Людвиг дополнял, что, требуя от него достать какую-нибудь книгу, Берия не умел назвать ни автора, ни заглавия книги, ни о чем она, а описывал ее цвет, формат, толщину. К слову, четко следуя газетным установкам, они Берию иначе как «людодедом» не честили, кто чаще, кто реже, кто сквозь зубы, кто пламенно. Но у Берии был нюх на способности людей (и это отмечали они, отдавая дань хуле), и главным его принципом был подбор по деловым качествам. Гарантию же преданности себе он усматривал в том, что объединял на близких должностях лиц, взаимно ненавидящих друг друга. Этим в зордые пресекался какой бы то ни было заговор против него: прежде взаимно донесут. И хотя ко времени знакомства со мной все жизненные грозы уже отшумели для этих бериевцев — уже с десятком лет они находились в тюрьме, — они продолжали ненавидеть один другого, что было заметно.

Но вернемся к Петру Афанасьевичу Шарии. Вот его послужной список. Родился в 1902-м, член РКП(б) с 1920-го. Поступил в Сухумскую учительскую семинарию (1919), но через год оставил ее и стал сельским учителем. В 1922-м командирован на учебу в Тбилисский университет, в 1924-м — в Московскую академию коммунистического воспитания им. Крупской, а в 1926-м — аспирантуру Института философии Ком. академии (окончил в 1929 г.). В 20-х годах уже преподавал марксизм в московских вузах. С начала 1930-го — в Грузии, стал там доцентом, потом профессором университета, где руководил кафедрой истории философии. С марта 1934-го заведовал агитпропом Тбилисского комитета (63) Грузии. С 1935-го — зав. агитпропом, а с 1938-го одновременно и отделом науки ЦК КП Грузии. Делегат XVIII съезда с решающим голосом. После войны до 1949-го или 1950 года — секретарь ЦК КП Грузии по агитации и пропаганде. Член парламентской делегации в Англии весной 1947 года рядом с другим членом — М.А. Сус-

ловым при председателе В.В. Кузнецове. Был редактором I (но уже не II) тома собрания сочинений Сталина, и, кажется, ему мы обязаны похвалой Сталина в адрес Ламарка (т. I, С. 301), к чему некоторые биологи возводят триумфальное возвышение Лысенко.

В 1939 году он был командирован ЦК в Комиссию «по ликвидации нарушений социалистической законности, допущенных Ежовым И.И.» (терминология была почти как в хрущевские времена, только огласка значительно меньше). Рассказывал мне про свою деятельность в этом «Малом Реабилитансе» в 1939—1940 годах, Шария не напирал на нее. Он скорее просто упоминал про этот факт, но не рисовался я-де хороший, только и делал что реальный библиотрол невинно пострадавших. Нет, для него это был просто не очень важный эпизод — и уже почти вовсе не интересный. Интереснее для Шария было познание мира. Владея подложной европейской языком он внимательно читал все имеющее отношение к философии. Он знал Карнапа и Леруа в подлиннике. Он читал Дирака и Фантаппье, а ведь это не только английский французский и итальянский языки — это сложнейшие формулы теории групп римановой геометрии и матричного анализа. Читал он не как профессиональный математик... а как философ, причем насквозь пропитанный марксистским подходом. Когда я позволил себе измешливый отзыв о «Ленинском определении материи», сказав, что пресловутая фраза столь же годится в «определение», сколько такое «определение» паровоза: «Паровоз — это продукт технологически развитого общества, данный нам в ощущение», он не на шутку огорчился, молча на три или четыре перестал со мной разговаривать и даже здороваться, написал один-два доноса оперу и мучился, лишив себя общения со мной — наиболее интересным ему собеседником — и книг, получаемых мною. Время затянуло раны, контакты возобновились, но он просил не затрагивать больше вопросов на которые, как коммунист, он будет резко реагировать.

В НКВД Шария проработал недолго: Вскоре он стал секретарем ЦК КП Грузии. Естественно имел замок, и даже не один, а минимум два как сплетничавший Штейнберг. Замки были кофискованы: но до самой смерти у Шарии помимо квартиры неподалеку от Тбилисского университета была недурная дача под Тбилиси. Был он и академиком Грузинской АН гордилсь редакторством собрания сочинений Сталина.

Шария был арестован в 1952-м (вместе с Барамия и др. «мингрельцами») по личному телефонному звонку Сталина мимо Берии. Утверждал, будто на допросах единственный из всех ничего не признал. Про пытки умалчивал. В марте 1953-го по личному приказу Берии освобожден, принимает активное участие в созыве XV съезда Грузии, а 26 июня 1953 года вновь арестован. Видимо, с учетом предыдущего заключения ему определили только 10 лет и он освободился за месяц до меня по кошку срока. Ему вернули профессорское звание (но не звание академика, кажется) и он читал в Тбилиси популярные лекции вроде «Есть ли судьба с точки зрения марксизма?». В камере одевался в казенную одежку, лет казенную баланду и хамсу но, однако его шокировало, когда я на прогулочном дворе сморкался пальцами а не в платок. Низенький плотный почти круглый несмотря на хватушку питания, с коротко остриженным ежиком. Голоса не возвышал, потому мне не верится в слухи будто бы «Шария и Мамулов дрались из за гильки».

Начальник бериевской канцелярии Людвиг захлебнулся от принудительного общения с врагами народа. Он твердо знал, что он единственный в камере и даже во всей тюрьме осужден ошибочно. Что он — преданный коммунист, которому не повезло, попал на работу к заклптому врагу народа людоеду Берии (но

* Борис Георгиевич Мещанин, чьи воспоминания вышли в Париже в 1988 г.

ведь он же из выбирал себе место работы, а подчинился распоряжениям партии! Все его сопереживания в ту же палату сосланных в Среднюю Азию секретарей Берия, равны так и прочие расстрелянные и осужденные бериевцы действительно были персонами, извергами и шизофрениками, а он случайно застал среди них, готовых подложить служебную палитру и орг. яму по первому изводу и даже без суда. Да ведь в неделю он еще и своему сыну стихи переписывал о очередной передовице «Правды». Это я говорю буквально, без гипербола. Значит для меня несмотря на то что стрелки на меня доносились, в среднем по два после каждой прогулки. Информационно разговаривать с кем-либо почти совершенно невозможно. И только затравленные глаза, на которых столько всю преданность выпрыгивала наружу надменный вопрос: «Неужели меня не освободят завтра? Я не могу!!!» — позволяли еще проморгать этого коротышку к роду князей-полюков.

Поблизости эпизод, амененный ему приговором. Когда в 1947 году Политбюро приняло решение о денежной реформе, было установлено, что наемные деньги подлежат обмену в масштабе 10:1, а вклады в сберкассы — в масштабе 3:1. У Берия в сейфе канцелярии лежало 80 000 личных денег. Он распорядился Людвигу снести их в сберкассу, рассчитывая потерять поменьше (на целых 19 тысяч новми). Людвиг выполнил поручение, догадался, а чем дело, и заспешив положить в сберкассу и свои собственные деньги. Этот эпизод, квалифицированный как «злоупотребление служебным положением», а как «экономическое вредительство по заданию государственного агента Берия», фигурировал, по словам Людвигова, у него в приговоре. Уточню, что ни у одного из них я не видел на руках текста приговора.

До зимы 1962/63 года Судоплатов и Эйтингон помещались «на больничке», но с ужесточением режима их признали здоровыми и поместили в двойнике на нашем этаже; на прогулках мы встречались.

Павел Анатольевич Судоплатов, 26.04.40 получивший орден Красного Знамени в чине майора госбезопасности, кажется, уже в это время был начальником IV отдела НКВД, ведавшего иностранными акциями; в частности, к этому времени отдел уже осуществил (нерезультативное) покушение Сикейроса на Троцкого с женой, 24.02.45 Судоплатов награжден орденом Отечественной войны I степени в чине комиссара ГБ III ранга, а 09.07.45 возведен в генерал-лейтенанты. Окончил Военно-юридическую академию Арестовали его не в июне, а только в августе 1953-го, подобно арестованному в сентябре Меркулову, он должен был попасть в число подсудимых по основному Бериевскому делу (расстрелянному, декабрь 1953-г.). Но он вовремя сориентировался и симулировал психическое заболевание, не узнавал никого, в том числе жену, ил землю и т.п. Его отправили в ленинградскую психбольницу. Тут он спокойно прожил 5 лет, но в 1958 году очередная комиссия постановила перевести его в казанскую больницу. Тотчас он симулировать перестал — знал, должно быть, что это такое. Дело было возобновлено, и Военная Коллегия Верховного Суда СССР дала ему 15 лет тюрьмы с зачетом пребывания в больнице. Так он попал во Владимир, тоже сразу в больницу (общетюремную). Имел отношения к разгромам ОУН и, случайно встречаясь с сидевшими во Владимире оуновками Зарицкой и Дидик, всегда вежливо раскланивался с ними. Напомню, что глава ОУН Роман Шепанский (Буй-Тур) арестован только 22.06.53 и по суду почему-то не расстрелян; пребывание Судоплатова в Галиции в конце июня могло вызвать отсрочку его ареста.

Наум Исаакович Эйтингон был заместителем Судоплатова, в июле 1945 года имел чин генерал-майора. Его руководящая роль в убийстве Троцкого руками Меркадера обще-

известна. До конца жизни оставался членом Испанской секции Советского комитета ветеранов войны.

Держались они важными барями, чему способствовали их неотточенная комплекция и довольно высокий рост. Не только со мной они не снисходили до разговора, но даже Штейнбергу и Мамулову едва заметно кланялись. Обычно Эйтингон (там я воспринял его фамилию как Этингон, в Штейнберг даже говорил мне, что де и эта его фамилия не настоящая, что он сменил фамилию в 20-х годах, начав служить в органах, «как и все они») ходил слегка приподняв за собой ногу, поближе к стене, углубившись в чтение «Юманите». Некоторый интерес к моей личности они проявили лишь после того, как тюрьма узнала, что к мне приехала комиссия из ЦК, расположенная меня освободить (для получения моей объективной характеристики из всех вызвала эта комиссия). К слову, после этой комиссии Людвигов ходил передо мною на задних лапках. Уже не помню точно, от кого из них я узнал, что В. Н. Меркулов, бывший с февраля 1953-го министром госконтроля, арестованный 17 августа 1953-го и расстрелянный с Берией, являлся в самом деле «мозгом Берии». Именно он задумывал и планировал для Берии акции, ему Берия доверял вполне. Намекали они, крайне завуалировано, будто Меркулов ненавидел Советскую власть еще до вступления в органы ВЧК. О себе подчеркивали, что арестованы не одновременно с Берией, но так, что у меня сложилось мнение, будто бы Судоплатов и Эйтингон лишь отстранены в 1953 году, а арестованы со Штейнбергом в 1956-м. На самом деле Эйтингон судился одновременно с Мамуловым, в декабре, приговорен к 10 годам тюрьмы.

С этим связана непонятная информация. Говоря о Меркадере, Брик усмехнулся, что до 1953 года тот ежегодно подавал прошения о помиловании (он в 1940-г. приговорен на 20 лет в Мексике), а после смерти Сталина столь же ежегодно подавал прошения, чтобы его не освобождали, а всю жизнь держали в тюрьме — иначе-де убьют. Эйтингон подтвердил мне эту информацию, но откуда он мог знать?

Кто-то из них сказал, что сочинение Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» написал на самом деле директор ИМЭЛ Грузии Бедия, расстрелянный в 1936 году — сразу по написании книги*, а главу о русских организациях той же книги написал Людвигов. Людвигов подтвердил.

Уже после моего освобождения Судоплатов, Мамулов и Людвигов сидели в одной камере, а Штейнберг, не желая встречаться с ними, отказывался даже выходить на прогулку. Но, узнав о слиянии Хрущева, он специально вышел на прогулку посмтреть, как будет вести себя эта троица. Они бросились поздравлять: «Наконец-то этого ренегата сбросили!», «Наверное, он уже на Лубянке!», «Наверное, мы сегодня же отправимся по месту работы». Через несколько дней Штейнберг спросил: «Вы еще здесь?» «Дел много, до нас не дошло», — ответил Судоплатов. — «Надо о себе напомнить». И, прервав прогулку, они направились писать жалобу. Через пару недель пришел стандартный ответ: «Оснований для пересмотра дела нет». Сам же Штейнберг при снятии Хрущева выражал опасения: «Не будет ли хуже? Тот-то был связан своими разоблачениями Сталина».

Эйтингон освободился по концу срока, работал в московских издательствах и кое-что рассказывал П. И. Якиру. Умер около 1975 года.

Судоплатов освободился последним, 21.08.68, в день ввода войск в Чехословакию. При освобождении поздравлял всех, говоря: «Наконец-то наши взяли!» за ум, свергли контрреволюционеров!»

* По официальным данным, Бедия расстрелян в 1937-г.

ЗАЧЕМ СМОТРЕТЬ В ЗАМОУЧНУЮ ОСКВАЖИНУ?

«Юристуйте! Моему сыну 18 лет. Он учится в институте на первом курсе. Вот уже полтора года он почти каждый день уходит из дома в дурику коляшню. В основном это подростки и те, кто пришел из армии. Матерятся, вылизывают, занимаются гомосексуальным».

Расскажите, пожалуйста, подробнее, что это такое. Как вести себя, узнав и увидев это? Пройдет ли? Как помочь сыну? Сможет ли он когда-нибудь встретиться с девушкой, иметь семью?

Эта компания затягивает сына все больше. Никакие уговоры, маты и слезы не помогают. На девочек он не смотрит, институтская жизнь его не интересует, круг интересов резко сузился. Как жить дальше? В. С.» (Из письма в редакцию)

Три-четыре процента населения Земли испытывают сексуально-эротическую потребность в партнере того же пола. Меньшинство. Остальные девятые шесть процентов, то есть большинство, смотрят на такого рода интимную близость как на нечто противоестественное, аморальное и даже преступное. Зная о гомосексуальности в основном понаслышке, мы относимся к ним агрессивно-непринимчиво. У нас всегда палитов пара и успешных анекдотов и масса обидных прозвищ. Да и без этого воображение рисует портрет женоподобного сматливого типа с выключенной походкой и пидущим взглядом.

Также ли они на самом деле, или это мы хотим их видеть такими? По мнению ученых, никакого особенного типа гомосексуальности не существует. Они ничем не отличаются от других — по крайней мере, внешне. И в то же время они иные, не такие, как мы. В этой непохожести и кроются, скорее всего, истоки нашей нетерпимости. Общество не терпит отхода от нормы. Даже если чисто теоретически оно готово отнестись к существованию гомосексуальности спокойно, то на практике это выглядит иначе: «нормальные» ощущают свое превосходство. Но неужели общественная норма — это единственный, абсолютный масштаб, тот камертон, по которому можно судить о сексуальном поведении человека?

В своем неприятии всего ипородного, другого люди недалеко ушли от животных. Черный лебедь всегда чужак в белой стае. Лягушка откажется кормить котенка. Двоймовочка очень не понаравится майским жукам, потому что была похожа на человека. А Галкий утенок из сказки Андерсена не пришелся ко двору диким уткам.

Несладо черноморскому среди «бледнолицых», неуютно глухому среди слышащих. А кто знает, сколько слез проливает ребенок-леши на школьной партой?

Думаю, что вряд ли проводилось у нас социологическое исследование на предмет отношения общества к гомосексуальности. Но и так можно не сомневаться: подавляющее большинство захотело бы запереть «голубых» в резервацию. Мы упорно толкаем их к изоляции — индивидуальной и коллективной, забывая о том, что сфера личной жизни неприкосновенна, что голосованием тут ничего не решить, что большинство должно считаться с фактом существования меньшинства. В конце концов, каждый может жить в соответствии со своими склонностями, пока не принуждает других и не наносит ни вред, то есть не вступает в конфликт с законом.

«Уважаемая редакция! Знаете ли вы, насколько сложно и мучительно, когда судьба сводит людей одного пола? В кошке есть широко обсуждаемый урготы заболеваний СПИДом гомосексуализм был предостережен общественности в своем наиболее опасном качестве — как компонент группы риска. Его сродни с наркоманной и проституцией. Многие врачи и юристы на гомосексуальным расходятся, но и те и другие бессильны. Можно ли прервать людей только за то, что они чувствуют иначе, чем другие?»

Мне 26 лет. Глубоко пережил интимную интеллектуальность и никоим не решился открыться. Передачи, которые иногда можно увидеть по телевидению, а чаще анекдоты рисуют физически и нравственно малоприятнейших типов. Однако среди нас в провинциальном отношении их не больше, чем в любом обществе. Встречается манерность, но это от безразличности обратиться на себя внимание. Может быть, несколько аккуратнее одеваются, следят за собой. Мне кажется, я тоже в худшую сторону не выделяюсь. «Все при мне». Но проблема настолько существует. Странно представить себе старость... Я не

рассчитывало на опубликование статьи «компрометирующей» письмо, но хотелось, чтобы мы знали: таких людей в Москве тысячи... Андрей К.

Они страдают не из-за гомосексуальности, а, скорее, из-за реакции окружающих на нее. В партнерстве испытывают те же проблемы, что и другие пары. Им ведомы и страсть, и ревность, и разочарование, и тоска, и верность, и измена. Иногда союз двух однополых людей длится до конца жизни. Но в среднем количество партнеров у гомосексуалистов меньше, чем у других. В этом — одна из причин приписывания гомосексуалистам группы риска. Хотя, с другой стороны, нельзя сказать, что именно гомосексуалистам свойственна неразборчивость в половых отношениях и что именно они повинны в распространении СПИДа. Тратедия в Элисте показала, откуда следует ждать самой страшной опасности.

Наверняка среди гомосексуалистов есть немало людей, тяготящихся своей склонностью и мечтающих от нее избавиться с медицинской помощью.

— Мы их отлучили к нам обращаться — говорит Сергей Озарков, старший научный сотрудник Московского НИИ психотерапии. — Им везде отказывают и отказывают. Помощь им в Союзе практически никто оказать не может. Врачи никак не делают вид, что лечат. Выписывают рецепты, дают одно лекарство, другое, третье, некий аптечный арсенал. Или просто говорят: «Тебе все равно никто не поможет. Найди себе подобного и живи с ним тихо». До последнего времени гомосексуалистов ставили на учет в психоневрологические диспансеры. Врачи как бы находились между Сциллой и Хариподой. Приходи, скажем, человек из прием и открыто рассказывает о своих проблемах, а доктор вроде бы должен тотчас сигнализировать в прокуратуру: «Явился махровый недержатель». Были такие случаи. А если врач не хотел быть Капиной, тогда говорил: «Ты ко мне не приходи, я тебя не выведу...» Так или иначе, врачи-сексологи отнюдь не стремились оказывать помощь этому контингенту.

— Сергей Тихонович, по разне гомосексуализм — болезнь?

— Сам по себе не болезнь, но эта группа очень разнообразна. Гомосексуализм может быть одним из проявлений тяжелого психического заболевания, например психоза. Форма гомосексуального поведения может возникнуть в тюрьме. И еще сюда относятся люди, у которых с самого начала отмечается половое влечение к однополым. То есть эта аномалия — вариант сексуального развития.

— И все же, есть ли у гомосексуалиста, желающего стать гетеросексуальным, реальные шансы на лечение?

— Очень скромные. Переделка полового влечения — процесс чрезвычайно сложный, занимает около года. Для врача это очень хлопотно, к тому же эффект труднопредсказуем. По трудности лечения приравнивается к пересадке сердца. В настоящее время у нас нет ни одного научного сотрудника, который бы занимался проблемой гомосексуализма. Вообще же, в гомосексуальном влечении нет ничего катастрофического, как, впрочем, и криминального, если речь не идет о несовершеннолетних или о насилии. Это, конечно, не значит, что мы должны высосать гомосексуалистов или уступать им место в очереди за сахаром...

— Приходилось слышать, что некоторые гомосексуалисты «для конспирации» вступают в брак, чтобы прекратить бесконечные вопросы: «Почему не женишься?» Другие поддаются молбам родителей. Третий искренне надеются найти спасение в семейной жизни. Не ошибка ли эти браки?

— Разные бывают ситуации. Но если брак — лишь уступка окружающим и не более, тогда это — безответственный шаг, который может помешать жизни другому человеку. Сколько можно насиловать себя? Год два? Так что в лучшем случае супруги свяжут дружеские отношения.

— Сергей Тихонович, а можно ли как-то снизить роль факторов, влияющих на появление гомосексуальности?

— Здесь много моментов. Они накапливаются по капельке — на генетическом, биологическом уровне. В чем-то нарушается нормальное развитие гормональных препаратов. Играют большую роль течение беременности, семейный климат, сексуальное воспитание. Растет, например, тихий, спокойный мальчик, с которым никаких хлопот, и вдруг у него проявляется патологическая привязанность... На девочек колы внимания, зато с приятелем не разлей вода. А другой в 16 лет не удается с девушкой в подъезде, и это приводит родителей в ужас. Родиться надо!

На Западе гомосексуализм не считается болезнью или отступлением от нормы. Это вариант сексуальности, не более. В ГДР гомосексуализм

признают такой же равноправной формой секса, как и другие. Еще в июле 1968 года в ГДР вступил в силу закон, не содержащий больше парagraфов, предусматривающих уголовную ответственность за мужеложство, исключая, естественно, применение насилия или вовлечение несовершеннолетних. К слову, в 1924 году Коммунистическая партия Германии, единственная из представленных в рейхстаге партий, выступила за отмену параграфа 175 — Уголовная ответственность за мужеложство. Не имея влияния и о том, что 150 тысяч гомосексуалистов погибли в концлагерях...

В нашей стране все еще действует статья 121 УК РСФСР, предусматривающая наказание за нарушение свободы на срок до пяти лет. Что испытывает эта категория в заключение, не вообразить и в страшном сне. Это изгой порочного населения, «неприкасаемые», козлы отпущения. Причем нескрывать в зоне становится отнюдь не только склонность к этому люди. Достаточно иметь милую душу и интимность или слабый характер.

В проекте Уголовного кодекса РСФСР 121-я статья отсутствует в своем сегодняшнем виде. Обрежет ли это силу закона?

— В рабочей комиссии по этому поводу разногласия не было, — рассказывает Алексей Николаевич Пенатов, профессор, доктор юридических наук. — Предполагается сохранить уголовную ответственность только за насильственные виды мужеложства, за вовлечение несовершеннолетних. Но это пока только предложение.

— Всегда ли в Уголовном кодексе нашей страны предусматривалась уголовная ответственность за мужеложство?

— Ни в кодексе 1922 года, ни в кодексе 1926 года такой статьи не было. В царской России была. А в СССР уголовное наказание за мужеложство впервые введено общесоюзным законом в 1933 году. Никто не знает, как именно это возникло. Есть лишь версии, не подтвержденные документами. Первая: статью ввели по личному указанию Сталина. Будто бы в Ленинграде существовал притон гомосексуалистов, и когда Сталину об этом доложили, он сказал, что надо ввести соответствующую статью в закон. Есть и другая версия. В тот период в международной печати были сообщения, что в фашистской Германии распространено мужеложство. Намным надо было показать превосходство коммунистической морали, подтвердить нравственную чистоту советского общества... К слову, в Германии, Англии, России мужеложство всегда было уголовно наказуемо. Во Франции — никогда.

— Не является ли уголовная ответственность за мужеложство нарушением прав человека?

— Является, конечно, и указывает на отставание страны в правовой сфере. В 1964 году Международный конгресс в Гааге рассматривал в числе других вопросов и этот. Была принята резолюция об отмене уголовной ответственности за мужеложство, которую поддержали и советская делегация. Должна существовать пределы вмешательства государства в личную жизнь человека. Объективным критерием может быть вредность, общественная опасность. Что касается удовлетворения половой потребности, то это личное дело каждого. Кому мешает, что два человека, закрывшись в комнате, так или иначе получают сексуальное удовлетворение? Никому. Так зачем смотреть в замочную скважину? Ведь для общества это не представляет никакой социальной опасности. Иное дело — насильственное совершение действий сексуального характера. Тут закон обязан охранять интересы общества.

«...Привет! Я — голюбый. Но в отличие от всех ваших корреспондентов я называю себя. Я... Недавно я пытался покончить жизнь самоубийством. Спасибо моему чуду. Мне надоела эта жизнь. Я хочу вырваться из этой среды. Но один я не в состоянии это сделать. Пишу вам, так как потерял надежду. Все знакомые девушки, узнав, что я — педик, стали сторониться меня. Я не хочу так жить! Помогите мне! Если в Москве найдется хоть одна девушка, которая согласится мне помочь, я буду ей очень благодарен. Иначе я жить не смогу...»

Несмотря на отчаянную смелость автора, рискнувшего назвать и свое полное имя, и номер телефона, я все же не решаюсь передать эти сведения в печать. Готовя этот материал, я обратился за консультацией в один московский НИИ и в ответ услышал тихий смех. Позвонив, узнала, что дама посоветовала мне обратиться куда-нибудь еще. Я и обратился. Мне проше: Да и ей что? Мы ведь большинство Сила.

Елена СВЕГЛОВА

Издание отпечатано в типографии газеты «Фрунзевец» ТуркВО. Зак. № 1236

Статья, с которой вы сейчас познакомитесь, была написана в 1969 году и многократно перепечатана, ходила по рукам. Я тоже читал ее тогда, но плохо отдавал себе отчет, сколь глубока эта работа. Сегодня, перечитав, я поражаюсь.

К сожалению, большинство нынешних читателей ничего не знают об авторе этой статьи. Герцен Исавич Копылов (1925—1976) был очень сильным физиком. Он любил свою науку, занимался ею самозабвенно, и у него многое получалось. Двадцать лет он проработал в Дубне, в Объединенном институте ядерных исследований, защитил здесь докторскую диссертацию.

В Дубне, как и во многих академических городках страны, хрущевская «весна» чувствовалась особенно сильно, здесь свободная научная мысль естественно соединилась с общественным прогрессом, и еще никто не представлял, что можно сохранить первое и придушить второе.

Участившийся в Дубне разговор о «элементарных частицах и живописи Пикассо», о молодых поэтах и прозаиках, о новых голосах и великих. Все ходило в турпоходы, а Дубна занялась воднолыжным спортом, в каком-то и достигла выдающихся результатов.

«Весна», однако, была неравной. Хрущев разрешил Солженицына — но он же доканал Пастернака. Распахнул «железные занавесы» — и построил берлинскую стену. Были реабилитированы и возвращены к жизни десятки тысяч людей — но соння посажены на повсюду.

Весенняя распутица как бы предполагала грязь — само собой, временную. Мы все были заложены надеждой. Поэтому мои все-таки преобладали мажорный; а пропал — не утешающая. Она стала такой позже, когда эти надежды последовало острое разочарование.

То, что получило название «правонарушающего допущения», «диссидентства», не стало для Герцена Копылова делом жизни, как для Сахарова,

но в стороне он остаться не хотел и не остался. Он участвовал в стихийной оппозиции так, как умел, — словом. В самиздате ходило несколько его эссе на злобу дня: «Как быть?», «Август 1972, или Торговля живым товаром», подписанные С. Телегиным. А еще — эссе о поэте «Четырехперный поэт», посвященное Копылову как о настоящем поэте.

Статья «Как быть?» была написана на излете эмиграции. Но вот что удивительно — чувство, которым она пронизана, очень сегодняшнее. Поразительно его самоопределение — внутренне четкое, целостное — по отношению ко лжи, неправде, страху, ко всему, от чего мы сегодня отрезаемся. Этой познанию и четкости мироощущения нам сейчас очень не хватает.

У нас куда ни кинь теперь все плохо, все ниже нуля. Но, с другой стороны, перед обществом раскрыт огромный простор для деятельности. Что делать, с чего начать? Герцен Копылов дает ответы в своей статье: нужно выработать новое мышление, внутренне освободиться, установить личную свободу личным порядком.

Меня сейчас поразило, что статья Копылова во многом совпадает с работой Солженицына «Жить не по лжи», написанной поэтом, в 1974 году (и опубликованной сейчас в журнале «Век XX и мир», 1989, № 2). Но мысли Копылова значительно ближе к жизни, к реальности, а многие рецепты Солженицына хороши лишь для проповеди.

Герцен Копылов отстаивает позицию неучастия, резко негативного отношения ко всему, что идет сверху. По тем временам это было оправдано. Сегодня, когда у нас так называемая революция началась сверху, неучастие неверно. Думаю, что Герцен Копылов, доживая он до сегоднешнего дня, столь же четко сформулировал бы позицию участия, как это сделал Сахаров.

Юрий КИМ

Герцен Копылов

«КАК БЫТЬ?»

Александр Солженицын

Герцен КОПЫЛОВ

Недавно в одной из публикаций самиздата была высказана вот такая мысль: «Не каждый может, да и не всегда это лучший способ, открыто выступить против тех условий, в которых мы живем: но лучше вообще молчать, чем говорить неправду...»

Я хотел бы детализировать эту мысль, слегка уведя ее при этом в сторону. Можно ли создать в условиях угнетающего режима культуру, противостоящую этому режиму? Я хотел бы здесь показать, что задача эта разрешима. Что она уже решается и решается успешно.

ОННЕ УНС, ИЛИ ОТДЕЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ОТ ГОСУДАРСТВА

Приведенное высказывание оттого так легко укладывается в голову, что по существу, эта идея уже овладела многими...

От гуманитария — писателя или историка ли — эта идея требует большего, чем от простого смертного: не только неприятие, но и — не быть коллаборантом, не просто игнорирование, а — поступки себе во вред. Оттого эта идея среди них не так распространена. Но среди нас, простой рабочей скотки социалиста: университетов и академиков, крестьян призывающих выворачиваться наизусть и рабочих еще не пропавших своей ум ушедшей молодежи, провинциальных инженеров и армейских инженер-капитанов, — это неприятие давило в голову. Его не сносят, не жуют — оно, как дурак, само родится. Оно не может не родиться на свет, ибо та культура, которой всех нас от академиков до плотника, пыкает власть, так детски примитивна, так

идиотски бездарна, так нагло лицемерна, так воинственно бесчеловечна, что иного и быть не может. Элементарное соединение впаханых склеенных частей, между которыми — ничего не заботящие разрывы, посылают и выдают. А человек не выносит таких разрывов, сам принимается зиять их. Создает свой круг воззрений, в котором можно жить, не путаясь в противоречиях. Итог — фактическое неприятие официального мира. Неверие ко всему, что отсюда. Молчаливый, порой неосознанный принцип «one up», «без нас».

Но на одном отрицании жизнь не построится. Мало-помалу она обрывает положительные принципы, постоянно образующими нечто целое — культуру. Все труднее становится ее не замечать. Ее создают два внешне мало связанных друг с другом потока народной творческой энергии: искусство и наука.

Искусство. Все мы помним момент, когда новое искусство совершило свой первый прорыв: явление Окуджавы народу. Вызвано перед нами открылся мир, о котором мы не подозревали. Он был не где-то вдали, а здесь, в наших душах, в наших ночных тропеях, в арбатских трущобах, в барабанным грохоте столиц. Мы узнали про свое богатство. Мы поняли скудость кормов, на которых нас держат. Моде на Окуджаву могла пройти, но возврата в прошлое не было. Стало ясно, что чужего жить милостей от певцов не стане русских воинов, надо самим приниматься за дела. И первым признаком возникающей культуры я считаю гитарно-песенное поветрие: как бы свысока ни глядели на него

профессионалы, в нем была подлинность, непосредственность, душа человеческая.

Другим большим прорывом стал самиздат. На наших глазах создается и ширится новая литература. Ее подъем — проза Солженицына и Е.Тшварца, стихи Домбровского и Коржавина — переключили официальные рекорды литературного гения, ее средняя продукция запроса берет на себя утешение нашего идейного голода. И это несмотря на царящие условия: тиражи — шиканки, состав — самодельный, предположение со стороны одних, пренебрежение со стороны других.

И вот она вырывается вперед, эта новая культура — культура раскрепощения души и чистки кониоции. Наряду с нелегальными каналами она использует и лучшее, что проявилось в открытой печати, в кино, в театре, «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Обитаемый остров», Платонов и Мандельштам — ее события. После каждого такого события целый ворох мысли одобренного читателя мы выметаем с сором, его влияние на нас улетучивается...

Новая культура обильно питается помертвыми соками павших гигантов 10—30-х годов нашего века; но в ее заглавие и классика: Чехов, Толстой и т.п. Делаются попытки подпереть ее русскими философско-идеалистами, а в своем интересе к русской древности она смыкается порой с официальными тенденциями «Октября» и «Молодой гвардии», но, очевидно, со временем переиграет уютность казенного догмата и станет в этом столь же враждебная державной идее, как и в остальном. Наука. Тайком, из-под спуда

делает свой вклад в новую культуру искусство, и в принципе мысленные попытки «искусствоведов» перекрыть это течение. Не то с наукой: она действует открыто — по зато бесспорно; ни она сама, ни партийная мудрость не ведает последствий вмешательства науки в нарождающуюся культуру. И попытки помешать этому влиянию были бы напрасны.

Посторонних впечатляют результаты науки, самих ученых — метод. Наука подает заявки на новую культуру, козыряя своими достижениями, но реальным вклад делает методологией. Физик, спокойный и деловой спорщик, спорящий с силами природы, понимает, что дело-то не в знании ее секретов и не в техническом вооружении, а в силе методов его науки, дающих даже заурядному уму сверхъестественные способности. И ему хочется выйти со своими способностями на людей, приложить свои методы к тонкостям морали и к тайнам будущего человечества. Сам того не ведая, он кладет фундамент новой культуры. Представьте себе класс высокообразованных людей — вооруженных идеями современной науки, умелых, самостоятельных, бесстрашно мыслящих, вообще привыкших и любящих думать... Им нужна новая культура. Они сами — такая культура.

Люди такого масштаба, не видя нужной пищи, порой сами принимают создавать ее для себя; методологией своей науки возводят в ранг жизненной философии, вносят в свой язык ее словари, и вот десятки отраслевых и локальных подкультур пускают корни в чертёжных залах КБ, в коридорах НИИ, в холлах институтов АН СССР,

пропихают на телеКВН, даже овеществляются в литературе (см. Грекова И. За проходной. Новый мир. 1962. № 7).

С кем вы, мастера культуры? И здесь уместно обратиться к мастерам державного, жанра: понимают ли они, какую роль могли бы сыграть в создании этой новой культуры? Понимают ли они, какие возможности открывает перед нами самиздат? Пусть взглянут на него сверху, как это сделал Солженицын, Сахаров: сейчас в нем много драгоценного, чья добрые намерения превращают умение, пусть же станут с нами бок о бок профессионалы слова и мысли. Но пусть попробуют: не разучились ли они говорить правду? Пусть пишут безмялжно, если это мешает их публикациям для прокорма, пусть смотрят на это как на фольклор, задавая загадки литературоведом XXI века.

Когда думаешь об этом, невольно возникают вопросы...

...Почему живописцы стоят в стороне от движения за свободу? Где у нас свободная живопись и скульптура? Я говорю не об абстракте, не о формальных поисках — тоже гонимых, — но об искусстве, выражающем идеи свободы. Или о прямых агитках, о карикатуре. Где Солженицын и Галич от живописцев? Серовы и Федотовы наших дней?

...Понимает ли поэт, скрывающийся от народа свою поэму о Венгрии 1956 года, что на нем лежит часть ответственности за август 1968 года? Понимает ли стихотворцы, понастроившие в зашифровке, что способ плавать всеми своими именами — существует?

...Почему не следуют примеру Медведева историки совет-

Ност, тычется в ребра неутомимым энсом сердце, который уже час ворочается с боку на бок и не могу заснуть. Господи, неужели все это было, а не пришлось в димедоловом сне?

Но ведь было же, было! Полночный зевацкий вокзал, проносящийся запахами грязных сортиров и горелого угля поезд на Борисов, толстая перламутровая проводница с выдвинутой из-под платья розовой комбинацией, мокрые простыни, жидкий чай, красивые флаги, бетонный забор, густой туман, скрип солдатских сапог, фотокарточка в блокноте, издающий прапор...

Тогда это все промелькнуло передо мной словно на плече смонтированной, местами засвеченной, недопроявленной пожухлой кинолентке. И вот только теперь, год с небольшим спустя, прожвывая в осязаемую боль и муку.

ЭШДАРОТ

Дмитрий ЛИХАНОВ

I.

...Случилось что-то странное, а те вожжые дни, когда части соединились и оторвались на несколько километров от казармы на очередные маневры. За главного решено было оставить на «козырьке» заместителя командира учебно-танкового полка подполковника Александра Горелова, который среди офицеров части проходил под псевдонимом противником Хмурый. До нынешней поры военная карьера тридцатилетнего подполковника складывалась счастливо, без малейших извивов и виражей: от звания казачко, от звания к званию, от звания к званию.

В семидесят втором он с отличием окончил Казахское высшее командное танковое училище. В двадцать лет вступил в партию. Служил в Венгрии, что по военным понятиям уже само по себе удача, везуха, необыкновенная. Потом попал в Забайкальский военный округ и в Монцкиро. А через положенный срок поступил на командный факультет Военной академии бронетанковых войск имени маршала Малиновского. Здесь же в числе лучших слушателей был удостоен почетного права чеканить шаг по кремлевской брусчатке в день коронации Победы.

И вот теперь — подполковничье звание, заветная должность заместителя командира полка, тридцать четыре поощрения по службе и ни одного взыскания, отупоженный мундир, дивные горизонты.

Надо сказать, что всего этого Александр Петрович добился, как называется, собственным горбом, без каких бы то ни было влиятельных поддержек и знакомств, и стало быть, в отличие от многих пенял завоеванное на полигонах и в аудиториях с особым душевным трепетом и волевым.

Итак, с хорошим настроением прискакал подполковник Горелов сюда, в Печи, уверен был, что все будет хорошо, и проявляя сослуживцев на маневры.

Но не успели еще затннуться белой снеговой трассой следы от танков и бульдозеров, как из хозяйства Горелова обрушились одна за другой непрошенные беды.

Вначале эта нелепая автокатастрофа. Покоренный, отравительно поющий соларкой и кровью металла. Мертвые вырезали автогеном. Собирали по кускам. Запанили в цинковые гробы.

Рапорты, доклады, слезы родственников погибших, какие-то бесполовые объяснения, похоронные формальности. Горелов перенял, но держался. Во можно было понять. Первые дни самостоятельной службы — и вдруг такое. Случайность, конечно, несчастный случай. Но ведь за все в ответе командир. Бог ведь, чем еще это обернется.

Неделя не прошла — новое ЧП. Пациант, сосунок необученный, накайфованный коноплей в сортире, дал деру из части. И в довершение всего ушел в самолетку комсорт взвода Петя Заморский!

Наркота — дело понятное. Но Петя!

II.

Что же произошло? Почему Петя — надежда командиров, сельский мальчик из харьковской провинции, свой парень среди пацанов осеннего призыва — вдруг оставил наряд и дал ходу?

Скорее всего, причина побега крылась в делах сердечных. Как раз накануне призыва завязалась у Пети любовь. И девочка эта из соседнего села пацаняка провожала его со слезами и обещала ждать. А потом, как раз в феврале, что-нибудь из корешей из тайных соперников прислал жесткое, скорее всего, обдуманное письмо, и стало от него Пете пусто и безразлично на свете. Напился шапку и пошел куда глаза глядят. Банальная в общем-то история. Сельско-армейская история.

Добравшись до деревни Пересадки, продригавший от холода Петя залез в пустую котельную местной школы и здесь уснул. Онулся уже под вечер. Темно. Где-то вдали еле слышно играла музыка, и он побелел на ее зов.

Деревенские танцы. В валеках. В паниростном тумане. Под разрывистый, жующий плещу магнитофон. Может быть, все это напомнило Пете о родном доме, о девочке той, и о письме, и о друзьях в части. Да мало ли о чем еще могут напомнить, какие струны души задеть обычные деревенские танцы... Словом, лишь только отзвучала музыка, развернулся Петя крутом и пошел на станию Пролетарская Победа. Отсюда ходили электрички на Борисов. А там и до казармы рукой подать. Но электрички все не было. Понуднее устроившись на станионной скамейке, Петя решил ждать. А утром

его растолкал военный патруль...

Подполковник Горелов велел повестить беженца в одиночную камеру гауптвахты. Чекая каждое слово, пообещал: если он сообщит о случившемся родителям и срочно вызовет их в часть. Вернувшись в кабинет, по селекторной связи вызвал комсорта роты. Приказал: в перерыве между завтраками собрать всех комсомольцев и исключить Заморского из рядов ВЛКСМ. Комсорт перечить не стал. Собрание проголосовало единогласно.

А в начале седьмого Петя повесился. Подоспевшие на истошные крики часового охранники, слава богу, вовремя перерезали сплетенную из обрывков исподнего удавку и тут же принялись откачивать бедняшного, обмякшего пацана.

Вскоре он ожил. Открыл глаза.

И встретился с колючим взглядом Хмурого.

Вспомнил об этих минутах, о чувствах, которые он испытывал, стоя перед вынутым только что из пелли мальчиком, Александр скажет мне искренне и проникновенно: «Понимаете, пада было прекратить эту волну преступлений. Хоть как-то сколыхнуть людей».

И он сколыхнул. Допрос был недолгим, а решение — мгновенным.

Впрочем, вот что сказано об этом в сухих строках материалов следствия: «В 18 часов 45 минут тех суток в комнату начальника караула пришел подполковник Горелов и стал высказывать у Заморского причины его попытки покончить жизнь самоубийством. Последний ответил, что не хотел жить, так как поддел своих товарищей».

Выслушав Заморского, Горелов спросил, сможет ли тот повеситься в комнате начальника караула. Заморский ответил утвердительно, и Горелов приказал исполняемому обязанности начальника внутреннего караула части Цырульникову принести веревку. Поимая незаконность действий командира, он не выполнил этот приказ, сообщив, что веревки нет. Тогда Горелов заявил, что даст возможность Заморскому повеситься перед всей частью. Связавшись по телефону с дежурным по части, он приказал построить личный состав части на плацу. Затем он же позвонил в 8-ю роту и приказал привести на плац веревку.

Когда Петю под охраной двух автоматчиков повели в сторону плаца, спорившие сержанты Михайчук, Волчок и Губенко уже заканчивали соорудить

виселищу. Вначале они подыскали хороший, крепкий сук, способный выдержать восемнадцатилетнего мальчика. Им повезло, он торчал как раз над трибуной, с которой доблестные командиры что ни день произносили речи о перестройке в стране и в армии. Кто-то умелой рукой скрутил удавку, подержал с силой, проверил прочность. Кто-то привязал свободный ее конец к дереву и поставил прямо под петлей один на другой два табурета.

Завод за заводом, рота за ротой к плацу стягивался личный состав. Ветер дул в спины. Люди мерзли, несмело переступая с ног на ногу.

Вскоре, फिरта движком, к трибуневиселище подурлил командирский «уазик». Из него, поправляя новенькую шинель и скривя сапогами по спуту, вышел Хмурый. Следом вывели Пестю. Дул в спины. Люди мерзли, несмело переступая с ног на ногу. Затем он предложил ему попросить прощения за нарушение воинской дисциплины или повеситься.

«Обращаясь к личному составу части, Горелов рассказал о том, что Заморский самоубийца оставил часть, пытался повеситься в камере на гауптвахте. Затем он предложил ему попросить прощения за нарушение воинской дисциплины или повеситься».

После этого он вызвал прапорщика Григорюшина и прапорщика Завелинского, приказав следить за тем, что если Заморский попытается повеситься, вовремя подстраховать его, не дав это сделать.

Подойдя к сооруженной виселище, Григорюшин по своей инициативе подрезал веревку, полагая, что если Заморский и попытается повеситься, то веревка оборвется.

Заморский после предложения Горелова повеситься и заявления о том, что если он это сделает в присутствии всего личного состава, то за него отвечать никто не будет, подошел к виселище...

«Полк построился правильным квадратом напротив трибуны, а там происходило что-то непонятное... вспоминал позже один из очевидцев казни Петя Заморского. — Присмотревшись, я сказал Серге, что, кажется, кого-то собираются вешать: в свете прожектора была видна стоящая на трибуне табуретка, а с дерева, с толстой ветки, свисала веревочная петля. Я сказал это как бы в шутку, но дальше стало происходить нечто большее, похожее на страшные кадры кинохроники времен войны. Мы не верили своим глазам: на

табуретку встал худенький солдат без шинели и без ремня, на его тонкую шею накинули петлю, а потом вывели из-под него табуретку. Он дернулся, но веревку, видимо, предварительно подрезали, и солдатик очутился на земле. Затем его посадили в машину и увезли...

Я привык в армии ко всему, но увидевшим был совершенно ошарашен. Это на всю жизнь!

Через несколько дней Петю отправили в психиатрическое отделение военного госпиталя.

Вернувшись с маневров командир полка вызвал в свой кабинет подполковника Горелова и уставо произнес: «Я все прекрасно понимаю, но придется тебе ответить».

Вскоре историей с казнью занялась военная прокуратура.

III.

Я приехал в Бориков утречком поездом, в тот самый июньский день, когда военный трибунал назначил к слушанию дело подполковника Горелова.

Загорелый, худышастый парень, вызвавшийся подвести меня на спойс «волжанке» до гостиницы, оказался кадровым политработником. Он только что вернулся из «Африки», купил вот эту самую «волжанку» и теперь в свободное от полнотракторных работ время подрабатывал на извозе. Про историю с казнью, как оказалось, комиссар-инспектор тоже слышал и даже имел на этот счет собственное мнение.

Знаешь, — объяснял он, торжественно похлопывая измученной папироской, — есть золотые ребята. С ними расставаться — сидеть на глазах. А все остальные — дерьмо. Маленькие сыночки. Случись у меня такое — я бы тоже этого подонка самолично повесил.

У гостиницы притормозил со свистом.

— Нет, честное слово, и как это я сам раньше не догадался. Вот тогда из них будут вырастать настоящие советские воины. С тебя треха...

К полудню стало известно, что в связи с отсутствием потерпевшего заседание трибунала не состоится. Может быть, завтра, в десять часов.

Завтра так завтра. Взял «тачку» и поехал в часть.

Странный, недоступный стороннему мир военных с раннего детства выглядел для меня зависть и восхищение. Мне нравились чистенькие, аккуратно подогнанные военные шинели, блеск начищенных пуговиц, пряжек и сапог. И то, как строено нечеловечески шаг этими сапогами. У меня перехватывало дыхание при виде баллистических ракет — этих украшенных монстров, которых волокли за собой на прицепе по Красной площади казавшиеся крохотными тиграми. Я совершенно «блел», когда маршал Гречко в открытом лимузине объезжал колонны войск и в ответ на его приветствие войска осатапелло орали: «...жу-вег-жу-а-а-а!». Я думал, что вся наша армия — как юбковский парад — такая же красивая, мощная, сильная.

Но прошло время, и наш институтский майор с внушающим вроде бы доверие интеллигентным лицом как-то сказал Владиславу Листьеву: «Курсант Листьев, выправь очки!» А другой майор скокандовал: «Сигнал к атаке — три зеленых свистка». А подполковник Передний швырнул в задремавшего на посту курсанта всамделишний взрывчат.

Мы ржали. Нам было смешно. Мы веселились на стрельбах. На занятиях. И в солдатском сортире, когда в роте вспыхнула эпидемия дизентерии. Мы

смеялись, потому что для нас все это было не всерьез.

Сборы закончились через месяц. Сдав противогазы и драные хбз, мы двинулись к станции, нели «Цинленок жареный» и махали солдатикам первого года службы: «Пока, салабоны!» И тогда один из салабонов крикнул: «Галды вы! Уезжайте. А нам завтра сделают «танки».

«Танки» — это когда тебя затолкают в око сортира и не дают высунуть голову.

И когда мы представили себе наш диктептерный сортир и махлиных, задыхавшихся от сырости и слез солдатиков, только тогда мы, кажется, поняли, какую горькую бедну унижения и зла оставили позади. И заспешили вперед. Только теперь мы уже не смеялись.

Это тоже наша армия. Армия с черного входа.

Андрей Платонов в своих фронтовых записках книжках как-то заметил, что отношение офицера к солдату напрямую зависит от отношения государства к своим гражданам. Адаптируя странную, ибо если примерять ее на нашу действительность, то все мы, граждане Страны Советов, не более чем те самые запуганные, измученные и подневольные салабоны. А разве не так? Разве не мы многие годы существовали (до сих пор существуем) согласно всяческому политическим уставам, указам и постановлениям? Или не наше общество расслоено на генералов от политики, майоров от идеологии и рядовых от танка и пилота? Так чего же пенять нам на армию? Она у нас такая, какую мы заслужили. Она — наше зеркало, наш преступный и заданное.

«Но ведь должен же быть предел беззастенчивости и зла. Даже здесь, где беззастенчивость и духовное опустошение особенно глубоко пустили свои корни?» — размышляя я, переступая КПП воинской части под Бориковом.

Начальник политотдела соединения подполковник Евгений Орлов, удобно устроившись под портретом Ленина, бритвойкой заточивал карандаш. Девяне слегка срежетало о твердый графит, и от этого звука поганиско пощекотывало внутри. Все равно как гвоздем по стеклу.

— Насчет Горелова? — подполковник поднял глаза от аккуратного карандашного острого и посмотрел на меня в упор. Спокойно бы прищелкнул. Лично я считаю, что в его поступке нет никакого состава преступления.

— Вы это что, серьезно?

— Вполне. Более того, я считаю, что его поступок не нанес никакого морального ущерба Советской Армии.

Юрий Аркадьевич Кошелев — командир того самого полка, где до недавнего времени служил подполковник Горелов, в своих суждениях был менее категоричен.

— Понимаете, — объяснял он, — ведь у нас в армии, кроме ареста и «твою мать», нет никаких воспитательных рычагов воздействия. А с другой стороны, нет и никаких стимулов к хорошей службе. Разве что звездочки и ордена. Да нет же, какой разговор, я, естественно, осуждаю поступок Горелова...

И тут я вдруг с поразительной жесткостью понял, что все эти люди: и командир части, и начальник политотдела, полковники и майоры, прапорщики и старшины не разыгрывают меня и не шутят. Они действительно не видят в той февральской драме НИЧЕГО ДУРНОГО. Мало того, считают случившееся НОРМАЛЬНЫМ. Мол, солдат сам виноват, дезертировал, а у нас воспитательных рычагов и стимулов нет. Так что, выходит, поступить иначе было нельзя.

Конечно! И как я раньше не понял этого. Ведь в ту февральскую ночь не

один Хомурий расправлялся с солдатом Петей Заморским. Горелов лишь поддал идею. А строил истинную, исклени веревку, бесстрастно наблюдали за происходящим добрый десяток обмеленных военной властью людей. И не содрогнулись душой, и ничье сердце не сжалось женским слезом. Ибо все, что происходило на их глазах, казалось ЕСТЕСТВЕННЫМ. И сама жизнь. И петля. И дернувшееся судорожно тело.

«Но ведь это был приказ! — урезонивали они меня, — как можно не подчиниться приказу!»

Все правильно: приказ есть приказ.

Но приказы бывают разные. Есть и такие, которые повелевают жечь дома, насловать женщин, убивать стариков и детей.

Но ведь есть же еще человеческая душа, которая отторгает, как нечто чуждое человеку, такие приказы. Всего сто с небольшим лет назад русские офицеры кончали жизнь самоубийством, лишь бы не принимать участия в оккупационной русско-польской войне. Но ни один наш офицер, насколько мне известно, не поступил так же во время афганских событий. Неужели военный приказ должен быть сильнее нравственного закона и им можно оправдать, как и в этой февральской драме, любое, самое страшное преступление?

Во всей этой истории роль старшего лейтенанта Александра Цырульникова мала и эпизодична. Помните?

«... Он приказал Цырульникову принести веревку. Цырульников, понимая незаконность действий Горелова, этой командой не выполнил, доложив командиром, что веревки нет».

На самом-то деле веревка была. И другой служка из тех, что поспорошисее, пашел ее в считанные минуты. Александру Цырульникову не позволила это сделать его живая человеческая душа. Да, он не выполнил приказ командира, да, по армейским законам он — преступник поопаснее самого Горелова.

И вот я думаю: если бы не один только старший лейтенант Саша Цырульников, а хотя бы еще какой-нибудь прапорщик или майор не исполнил тот преступный приказ, то, может, и не случилось бы того, что произошло? Да нет же, нет, — твердит рассудок, — нашлись бы другие. Ведь отыскал же кто-то веревку. И соорудил петлю.

...Я так и не дождался суда над подполковником Гореловым. Назавтра заседание военного трибунала отложили. Отложили его и через два дня. Только потом, несколько месяцев спустя, я узнал, что «правосудие» свершилось. За превышение власти Александра Горелова приговорили, если мне не изменяет память, к трем годам лишения свободы условно. И тут же освободили по амнистии...

Армия наша больна. И не ледовиной, как наивно полагают одни. Не бюрократизмом или всеобщей повинностью, как считают другие. Она, как и все наше общество, больна бездуховностью. Только страдает этой болезнью серьезнее и тяжелее. Иногда мне кажется, что эта болезнь неизлечима. С такой армией можно делать все, что угодно. Она исполнит любой приказ.

А если это так, то все мы стоим на эшафоте.

По традиции бои супертяжеловесов считаются кульминацией любого боксерского турнира. Не стал исключением из правил и финал московского чемпионата мира. На ринге спорткомплекса «Олимпийский» в решающем бою встретились многоопытный Александр Митрошинченко и 20-летний кубинец Роберто Баладо. Специалисты полагают, что победу одержит советский спортсмен. И неудивительно, ведь до московского первенства мия Баладо было известно только большим знатокам бокса. Однако вышло все наоборот! Быстрый и напористый Роберто на протяжении трех раундов постоянно атаковал, наносил мощные удары. И когда баострастный компьютер объявил победу кубинца со счетом 18:8, казалось, не было в Москве более счастливого человека, чем Баладо. Мы встретились через час в раздевалке, когда усталый чемпион сидел в мягком кресле и принимал похваления.

— Я счастлив, что смог одержать победу в этой самой престижной весовой категории в боксе. Ведь чемпионат для нас прошел не так, как нам этого хотелось. Всего четыре золотые медали и проигрыш общекомандного первенства — есть от чего прийти в плохое настроение и нам, и нашим болельщикам. Но сегодня я рад, что смог выполнить главную задачу и завоевать свою золотую медаль. Эта победа приятна мне вдвойне, так как произошла она в Москве, побывать в которой я давно мечтал.

На чемпионате Роберто Баладо ждала еще и другая награда: МОСКОВСКАЯ ШТАБ-КВАРТИРА МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ДЕТЕКТИВНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РОМАНА ВРУЧИЛА ПОБЕДИТЕЛЮ ДЕНЕЖНУЮ ПРЕМИЮ В РАЗМЕРЕ 2,5 ТЫСЯЧИ РУБЛЕЙ.

СОННИК

БРИТЬСЯ самому — потеря имущества; брить других — искать добрых людей.

БРОЗИ — темные — здоровье; обобщен — спор о наследстве; брызги брыз — ты пустой человек.

БРОШКА видеть — твоё поведение немыслимо.

БРОШКИ — черные — терпение; белые — поймешь свое будущее; порванные — будущее имеет поправки; навален — в доме будешь видеть влияние, потерять — будешь под влиянием у своей жены; парадничать — ханжата.

БУДИЛЬНИК слышать — должен быть в ситуации.

БУДИТЬ кого-то: получить постоянное место.

БУКВЫ писать — несчастье; убит букву — если оно лучше; в конце — видеть — новости.

БУКВЫ видеть — счастье в любви.

БУЛКИ покупать — прибыль; резать — сокращение.

БУЛЬДОГ будешь иметь опекун.

БУМГА видеть черную — злое дело; с напечатанным текстом — перед тобой будут записывать и ожидать; помет, рисованную — разочарование; испачканную — разлука; рвать — упадешь в яму; видеть бумагу чистой — хлопоты; писать — ожидать неприятных писем; порванную — утратить какие-то свои права; летящую в воздухе — платные надежды; видеть, как делают бумагу, — с выгодой использовать сведения; белую — твою исповедность станет явным; известную — хорошие известия.

БУНТОВАТЬ будут какие-то трудности.

БУРАКИ белые — ожидает опасность; желтые — испытание преследование; кушать — попадешь в непредвиденное положение; сообразить — будешь хорошим хозяином; крошить — разлука; кормить бураками скот — деловые операции пройдут удачно;

очинять — будешь осмеля; бурчанное поле — в результате тяжелого труда добьешься хорошего положения; приготовленный бурак (салат) — предприятие твоё будет удачно; в больших буртах — иметь хорошие дела.

БУРЯ ожидай житейской борьбы, из которой, однако, выйдешь победителем.

БУТЫЛКА видеть — тревога; разбитая — печаль; наполненная — ожидает трудная работа; пустая — недостатки в жизни.

БЫК видеть — будь осторожен; подвернуться нападению — счастье в любви; покусать — спор; зарезать — помянуть терпение; убит его — избежать большой опасности.

БЮРО (кантора): жди неприятных вещей.

БЮРО (стол): приобретешь знания.

БЮСТ должен будешь оставить свои будущая.

ВАЗОН для цветов, видеть — ждешь приятной неожиданности; разбить — испуг.

ВАРЬЕН купить — любовное удовольствие; видеть — пустые мечты.

ВДОВА быть ею — ожидай новых утех в жизни; жениться на вдове — богатое наследство; влюбиться во вдову — выгода и легкая жизнь.

ВЕДРО полное — хорошие дела; пустое — главный выигрыш в лотерею; идти с ним к колодезю — награда за трудолюбие; на воле — счастье.

ВЕЛОСИПЕД перестанешь соучастником или скорое супружество.

ВЕНОК из листьев — честь и слава; из цветов — любовные тревоги; золотой — прекрасная дорога в жизни; мертвый — счастье в любви и свадьба; быть венком — будешь принимать участие в примирении влюбленных; венки на гробе — наследство; возложение венка — будут близкие; нести венки — честь и счастье; дубовый — выданы.

ВЕРБА над водою — смутные дни; плакучая (опущенные ветви) — семейные горе.

ВЕРБЛЮД долгая, но трудная жизнь или в скором времени столкнешься с трудностями.

ВЕРВКА видеть, как изготавливается, — не легко будет достигнуть цели; подниматься и спускаться по ней — быть на запутанном пути; привязывать — обманешь других.

ВЕРЕТНО видеть — ожидай прекрасного будущего; в

прудке — счастье в доме.

ВЕРЕСК (кустарник): зеленый — иметь последний проблеск надежды; сухой — уже надежды нет; цветущий — надежды исполнятся.

ВЕРМУТ (вино): иметь личные тревоги.

ВЕРНОМСТВО, ная гобой — супружеское счастье; совершить самому — опасность пожара, потеря имущества, споспосовывать — сделать неблагоприятный поступок.

ВЕСЕЛЫМ быть: печаль; увидеть веселье — разочарование.

ВЕСЛО выдешь в дорогу; грести веслом — благословение помет над твоим трудом.

ВЕСПА ждешь тебя прекрасное будущее.

ВЕТЕР слышать: получишь пустое предсказание.

ВЕТКА ВИНОВАТА: счастье в любви.

ВЕТРИНА МЕЛЬНИЦА в работе — ты хороши работник; недвижимая — ты ленив.

ВЗЫСКИВАЮЩАЯ видеть: тревога, вбежишь самому — счастье, достойное удивления.

ВЗВОДОВАННЫМ быть: будешь здоров.

ВЗЛЕТ бросать: ожидай большого искушения.

ВИДЕНИЕ иметь: сделавши ошибку.

ВИЗИТ: сделать кому-то — затеять неудачный спор; принять — будешь пользоваться большой симпатией.

ВИКАРИЙ (второй епископ): тебе необходима помощь.

ВИЛКА (столовая): уронить — испуг; есть с вилки — грозит опасность.

ВИЛЫ назочные: выполнять неприятные функции; вилы для сена — счастье и богатство.

ВИНО пить — великим охватит тебя тревога; красное — всегда иметь хорошее настроение; белое — получить удовольствие; разлить — разобьешь свое счастье; вбросить — скромные радости.

ВИНОГРАД видеть — благословение в детях; без ягод — лоя.

ВИНОГРАДНЫЕ КИСТИ: красные — испуг; получить в подарок — сделать новое знакомство; видеть пресованную — трудолюбие и выдержка наградят твой труд; есть — иметь много любовников; видеть виноградные кисти — достигнешь цели; срывать — упрочить свое счастье; срывать — счастливая домашняя

обстановка; зрелые — радость.

ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА: влечь — с трудом, окружным путем достигнешь своей цели.

ВИНОЧЕЛЬ: слышать — необходима чужая помощь.

ВИШНЯ (дерево): цветущая — счастье и благоволение судьбы; с ягодами — счастливый дом; срывать — радость и удовольствие, есть — ждешь тебя приятные минуты; кисть — не желай вещей несуществующих; вишневый проток — счастье близко.

ВКУС: ощущать незнакомое — живешь в условиях непереносимых.

ВЛАСТЬ брать ее — будешь жить в достатке; владеть ею — пустота и забота; видеть — среди удовольствий.

ВЛЕЗАТЬ на дерево — счастливый поворот судьбы; влезть на скалу — встретить много пренес.

ВЛОБЛЕННЫМ быть: счастливые перемены; влюбленных видеть — зависть; помогать — проявить благородство.

ВНУКОВ видеть: нежданная радость.

ВНУТРЕННОСТИ (животных): видеть — неприятные вещи; кушать — счастье.

ВНУШЕНИЕ: убедить кого-то — будешь иметь влияние; поддаваться убеждению — ты слаб и не имеешь воли.

ВОДА: холодная — счастье; разлить — увлекаться верным делом; мутная — препятствие; утопать в воде — столкнешься с притеснением; переходить вброд — освободиться от опасности; купаться — реабилитируешься от подозрений; купающихся — поладить с неприятелем; пить теплую — болезнь; опариться кипятком — понести убытки через неосторожность; ходить по воде — преодолешь все преграды; шум воды слышать — тебя резко осадят.

Главный редактор
ЮЛИАН СЕМЕНОВ

Первый заместитель главного редактора

АЛЕКСАНДР ПЛЕШКОВ

Редакционный совет:

МАЙК АНДЕРЛЕ, писатель (Австрия)

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ, писатель (Москва, СССР)

КАРЛ АРНЕ БЛОМ, писатель (Швейцария)

АЛОИЗ БРЕНЧ, режиссер (Рига, СССР)

АРКАДИЙ ВАЙНЕР, писатель (Москва, СССР)

МИКОЛА ВИНГРАНОВСКИЙ, киновизионер (Киев, СССР)

ГЕОРГИЙ ВОСКРЕСЕНСКИЙ, адвокат (Москва, СССР)

ДАНА ГЕНРИ, судья Верховного суда (США)

ТАТЬЯНА КОРЯГИНА, доктор экономических наук (Москва, СССР)

АТАНАС МАНТАДЖИЕВ, писатель (Болгария)

АЛЕКСАНДР МЕНЬ, протоиерей (Загорск, СССР)

ВЯЧЕСЛАВ ПАНКИН, начальник Уголовного розыска СССР (Москва, СССР)

ЕВГЕНИЙ СТОЯНОВСКАЯ, публицист (Москва, СССР)

ОЛЖАС СУЛЕЙМЕНОВ, писатель, народный депутат СССР (Алма-Ата, СССР)

МИХАИЛ ТАРИВЕРДИЕВ, композитор (Москва, СССР)

МИХАИЛ ШЕСТОПАЛ, главный художник МШС МАДПР (Москва, СССР)

РАФАЭЛЬ Р. ЭРРЕДИА, писатель (Мексика)

Коллегия:

БОРИС ДАНОУЕВСКИЙ, заместитель главного редактора

АРТЕМ БОРОВИК, обозреватель

ТРИСТАН ДЕЛ, собственный корреспондент (США)

ЕВГЕНИЙ ДОДОЛЕВ, обозреватель

ДМИТРИЙ ЛИХАНОВ, обозреватель

ИШТВАН НЕМЕТ, собственный корреспондент (Венгрия)

МИЛАН ЧОЛИЧ, собственный корреспондент (Югославия)

Оформление номера

ВЛАДИМИРА ПОМОЧИЛИНА и МИХАИЛА ШЕСТОПАЛА

Технический редактор

ТАТЬЯНА КОИРАНСКАЯ

Корректор

ТАТЬЯНА БУЧА

В очередных номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Рождественская проповедь отца АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Эхо одного судебного процесса. Рассказ ленинградского ученого

Отрывок из книги АРТЕМА БОРОВИКА «Спрятанная война»

Московский штаб-квартира
Международной ассоциации
детективного и политического
романа

Адрес: 119021, Москва,
Зубовский бульвар, 4, АПН
Московский штаб-квартира
МАДПР

Бюллетень «Современно»
секретно
Тел. 201-44 16, 291-39-82
Телетекст 411323 Факс 2302170

Подписано и печатно 22.11.89